

18+

Иван Державин

Спаси и сохрани

Иван Державин

**Спаси и сохрани.
В объятиях власти**

«Издательские решения»

Державин И. В.

Спаси и сохрани. В объятиях власти / И. В. Державин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519985-0

В торгпредство России в Австралии в начале девяностых годов почти одновременно приезжают бывший вице-премьер правительства и опытный внешнеторговый работник. Между ними разгорается непримиримая вражда, символизирующая вечный конфликт между старым и новым на примере России после распада СССР, в результате которого основная часть населения страны была унижена и искалечена, а другая поднялась на вершину власти.

ISBN 978-5-00-519985-0

© Державин И. В.
© Издательские решения

Содержание

Иван Державин	6
Спаси и сохрани	7
Повесть	7
Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Спаси и сохрани В объятиях власти

Иван Васильевич Державин

© Иван Васильевич Державин, 2020

ISBN 978-5-0051-9985-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван Державин

Спаси и сохрани

Повесть

*Не день, не месяц и не год —
Всегда в Россию верить нужно.
А что касается невзгод,
Они уйдут, как псы, послушно.
Они сбегут в одном исподнем,
Гонимые бичом народным.
Николай Зиновьев*

Глава первая

– Он немец! – войдя в спальню, проговорил сердито Федотов.

Спросонья Эльвира Николаевна не поняла, спросила, протирая глаза со следами вчерашней туши:

– Ты о ком?

– Козлов встречался с Графовым, и тот сказал, что основной язык у него немецкий, затем шведский и лишь потом английский, самый слабый. Сознался, что на переводчика он не тянет и добавил, что он им и не едет.

– Твою мать! – Эльвира Николаевна в сердцах сбросила с себя одеяло и села, спустив с кровати полные ноги. Её большая грушеобразная грудь, уставившаяся на мужа темными сосками, не казалась большой по сравнению с расплюснутыми о край кровати ляжками и предплечьями рук. Как всегда в постели, она была голая. – Надо что-то срочно делать, Владик. Мало того, что он старый, он еще и без языка. Такой он нам с тобой не нужен.

Федотов был настолько возбужден, что даже не остановил восхищенного взгляда на пышном теле жены.

– Мало того, что он немец, – продолжал он безжалостно для себя и нее, – он вдобавок еще и с гонором. Представляешь, он долго расспрашивал Козлова, разбираюсь ли я во внешней торговле и знаю ли я разницу между СИФом и КАФом.

– Что это такое? Ты знаешь эту разницу?

– Это такие условия поставки на экспорт. Их с десяток. Конечно, я в курсе. А если что и не знаю, то в любом справочнике можно о них прочитать. Ты же знаешь, что сейчас в моей работе здесь не это главное. И это главное я знаю. Для того сюда и приехал. И не ему ставить под сомнение мою готовность к этой работе. Я к ней готов, как никто другой в нынешней России. Но он еще и моим английским интересовался. Спросил Козлова с усмешкой, довел ли я его до совершенства за прошедшие не две недели, а три месяца после моего интервью перед отъездом сюда.

– И что Козлов ответил?

– Не знаю, что он ляпнул, на что Графов вот тут и сказал, что едет сюда не переводчиком.

– Надо любыми путями задержать его вылет хотя бы дней на десять. Мы за это время что-нибудь придумаем.

– Сейчас уже нельзя что-либо сделать, – возразил уныло Федотов. – Он оформлен, и кроме того, у нас нет существенных для кадров мотивов против него.

– Какие, к черту, мотивы? – взвизгнула она. – Главный мотив: не подходит нам. Через месяц – другой уедут все, и ты останешься с ним один на один. Ты ни слова по – английски, и он не переводчик. Кроме того, ты же сам говорил, что его тридцать лет во внешней торговле будут тебе, как кость в горле. А они есть, и ты все время будешь бояться их.

– Успокойся, дорогая. Я с тобой согласен, что тебе и мне нужен другой, но в данной ситуации я бессилён воспрепятствовать его вылету. Это исключено. Другое дело, проверить его на послушание, чтобы определиться в нашем к нему отношении.

– О чем ты говоришь? Он уже не послушный. – Она потянулась к сигаретам на тумбочке. – Подавая ей зажигалку, Федотов не удержался, подставил ладонь под одну из свисавших груш, словно пробуя на вес, и сдвинул пальцами сосок, сразу ставший твердым. По ее телу пробежал ток, но она сделала вид, что не заметила. – Отношение к нему может быть только одно: непримиримость и создание для него невыносимых условий работы и быта с первого дня. Надо, чтобы он почувствовал это уже сейчас. Чтобы понял, кто мы и кто он. Звони Козлову, и пусть он передаст этому старику... нет, узнал его телефон, и ты сам лично прикажи ему отложить выезд минимум на десять дней под любым предлогом.

– Каким, например?

– Придумай. Ну, что его некому встретить, все в это время будут заняты, что нет гостиницы, все, что угодно. Скажи, чтобы летел с Козловым. Пусть понервничает, попсихует. А за это время мы обязательно что-нибудь придумаем. Иди, звони.

– Слушай, а может, его жена знает английский?

– Разбежался! – Эльвира Николаевна только сейчас отвела его руку. – Не читал анкету? В детсаду она работает. Английским у нее не пахнет.

– Последний анекдот и быстро бежим в метро.

Когда взрыв смеха стих и начали вставать из-за стола, Графов запротестовал:

– Куда? А последнюю на посошок?

На правах старшего прощальный тост произнес начальник Главка:

– Страна, куда вы едете, красивая, климат теплый. Остается пожелать вам хорошо там потрудиться, сразу влиться в коллектив торгдома, чтобы вас там также полюбили, как мы здесь, в чем мы не сомневаемся, зная вашу коммуникабельность и работоспособность. А если что, не расстраивайтесь, насколько я помню, через два года вам на пенсию, поэтому спокойно отдохните там, наберитесь побольше сил, а мы, разумеется, будем рады в любое время вновь принять вас в наш коллектив, если к тому времени мы еще сохранимся – прекрасно знаете, какое сейчас время. Но будем надеяться, что все будет хорошо. Мягкой вам посадки!

Особенно трогательно прощались с Ольгой Павловной: мужчины целовали ей руки, а женщины обнимали и целовали в щеку.

Графов обещал придти на работу еще завтра, но и его обнимали и целовали. Графовы пошли провожать гостей до станции метро. Там тоже долго не могли расстаться.

– Интересно бы знать, что нас ждет в этой красивой Австралии, – задумчиво проговорила Оля, когда они возвращались домой. – Сложатся ли у тебя там такие же теплые отношения, как на этой работе? Честно говоря, я не ожидала, что они тебя так любят. Просто поражена. Родных так не провожают.

– Оленька, там тоже все будет нормально, – обнимая жену, говорил Графов.

Увидев, что его уводит в сторону, она проговорила с укором:

– Тебе не стыдно? Как ты завтра заявишься в кадры и на работу в таком виде?

Едва они вошли в коридор, как зазвонил телефон. Трубку снял Графов.

– Добрый вечер, Федор Павлович, – услышал он басовитый мужской голос. – Не разбудил? Это Федотов, торгсоветник из Австралии.

Оля увидела, как у мужа округлились и заморгали глаза, словно он пытался что-то вспомнить.

– Здравствуйте, Вла.. вла.. дилен... Афанасьевич. Рад вас слышать. Вашу записку я получил и все по ней сделал.

– Окей. Но я не за этим звоню. Мне передали, что вы вылетаете послезавтра. Эта дата не совсем удобна для нас. Я бы попросил вас вылететь вместе с Козловым, то есть отсрочить вылет всего на десять дней, так нам будет легче вас встретить.

Хмель выскочила из головы Графова, и свой ответ он обдумывал довольно долго.

– Боюсь, это нелегко будет сделать, – наконец проговорил он, как можно, спокойнее, – очень трудно с билетами. На десятое июня я ожидал больше месяца. Перенос может затянуть вылет на столько же, если не на дольше.

– Ничего страшного, если прилетите через месяц.

Графову показалось, что эти слова вырвались у Федотова легко, как заветное желание, что тот и подтвердил, продолжая уговаривать:

– — У вас там сейчас лето в разгаре, июнь, а у нас зима, холод, позагорайте на Родине, отдохните, наберитесь сил.

– Извините, Владилен Афанасьевич, я ничего не понимаю. Как настаивали в кадрах, я должен был улететь еще в начале апреля сразу после вас, и очень нервничали сначала из-за визы, которую долго не давали, потом из-за билетов. И если будет еще и эта отсрочка на месяц, они этого не поймут. Я тоже, извините, не все понимаю. По приказу я уже уволен из главка, на моем месте сидит другой человек. Да и в личном плане перенос на месяц создаст большие неудобства для нашей семьи.

Графов замолчал, молчала и трубка. Не дождавшись реакции, он спросил в упор:

– Это действительно так необходимо? Чем это вызвано?

– Да нет, что-нибудь придумаем, – увильнул от ответа торгсоветник. – Это просьба, по возможности.

– Хорошо, я передам о ней в кадры. Но уверен, что они будут категорически против.

– Передавать не обязательно, но об этой моей личной просьбе вы все-таки хорошенько подумайте, – сказал Федотов, как показалось Графову, со значением. – До свидания, Федор Павлович.

– До встречи, Владилен Афанасьевич.

Услышав гудки, Графов еще долго не клал трубку, постукивая ею по руке.

– Ну и ну, – проговорил он, выдохнув воздух. – Ничего не понимаю. Идиотизм какой-то. Стоявшая рядом Оля спросила нетерпеливо и обеспокоенно:

– Что он хочет?

– Хочет, чтобы мы вылетели вместе с Козловым через десять дней. Когда я возразил, что билет достану лишь через месяц, он, как мне показалось, обрадовался этому.

– Но ты же объяснил, что тебя уже уволили.

– Кажется, только после этого он что-то понял. Вот только я не пойму, к чему ему все это. Ясно, что химичит, а смысл никак не ухвачу. Но хватит об этом. Все, Оленька, будет хорошо. Давай мыть посуду.

– Ты сообщишь об этом в кадры?

– Обязательно скажу, потому что это чушь собачья. Уверен, что кадры пошлют его подальше и отправят повторно телекс, чтобы нас встретили в аэропорту Сиднея. Пусть только попробует не встретить. Из Канберры не приедут, обязательно встретят из консульства. Поживем в их гостинице, покажу тебе достопримечательности Сиднея. Если не забыла, я там был до Канады.

– Конечно, помню. Ты оттуда прислал открытку театра с витиеватой крышей.

– Теперь сама увидишь эту редкую крышу Сидней Опера Хаус.

– Ты говорил, он работал в правительстве. Что-то я такую фамилию не помню.

– Да и я по работе о нем не имел представления, так как до распада СССР он работал не в союзном правительстве, а республиканском, с которым мы не имели дел. А до назначения торгсоветником он работал у вице-президента Руцкого. Он на три года моложе меня, видно, шансов у него там подняться не было, и решил пожить до пенсии в неплохой, а главное, в спокойной стране. В принципе, как и я. Разница между нами в том, что я коренной внешторговец и еду в Австралию продолжать работать, а что он будет там делать, не знаю. Это может стать между нами нестыковкой. А может, уже и встало, судя по этому звонку.

– Я тоже об этом подумала. А что ты знаешь о его жене?

Графов вспомнил свой разговор с корреспондентом телевидения Сашей за стойкой бара на приеме в посольстве Австралии неделю назад. Узнав, что Графов едет работать в торговом в Канберре, Саша уставился на него уже не трезвыми глазами и вдруг громко заржал, выставив на показ длинные прокуренные зубы.

– Тебе, старик, крупно повезло, – проговорил он, отсмеявшись, с ехидцей. – А посему мой тебе добрый совет туда не лететь, все равно она тебя сожрет.

– Кто она?

– Эльвира, жена торгсоветника. Не он, а она будет вами править. Это стерва высшей пробы. Ты ей не подойдешь ни по каким параметрам. Не только потому, что ростом не вышел и старый. Она любит только больших членов правительства и, – он поднял указательный палец, – большие члены.

Графов мало что понял, спросил раздраженно:

– Говори прямо, без загадок. Какое отношение она имела к правительству?

– Одно время она там имела решающее влияние.

– Каким образом?

– У нее были близкие, – Саша ухмыльнулся, – отношения с председателем правительства Семиным.

– Мало ли что было когда-то, главное, кто она сейчас. А сейчас она жена торгсоветника или обычная баба.

– Э, нет! – потряс пальцем перед носом Графова Саша. – Ты тут, старик, глубоко ошибаешься. Семин, у которого она работала секретарем администрации, и который заделал ей ребенка двенадцать лет назад, будет опекать их, пока останется во властных структурах. Он в фаворе у Ельцина и продолжает иметь вес. Это он сосватал ей в мужья Федотова, сделал его своим замом и отправил торгсоветником в Австралию. Так что знай, что не Федотов привез ее туда, а она его, и править вами будет не он, а она. И тут работникам торгдома не позавидуешь. Привыкшая командовать министрами, вас она сделает рабами.

– Меня она им не сделает, – твердо сказал Графов.

– Дай-то бог. Но знай, что она не обычная баба, как ты думаешь, она конь с яйцами и сволочь, каких свет не видывал. Мало? Могу еще сказать. Если она проживет день и никому не сделает подлость, она с ума сходит и бесится. Кстати, учти, у нее бешенство матки.

– Ты-то откуда все это знаешь? – недовольно спросил Графов. Саша ему все больше не нравился: обычный алкогольный болтун или ухаживал за ней, а она его отвергла.

– Из первоисточника, – ответил Саша. – Пояснить? От ее матери, моей двоюродной тети. Лучше матери никто дочь не знает. Ее даже она боится и ненавидит. Они не знают с тех пор, как она стала любовницей Семина.

– Я видел ее на фотографии. Довольно симпатичная баба, особой сволочности в ней я не увидел.

– Что фотография? На ней только мертвецы правдивыми выходят. Согласен, что она не страшная, но на секс – бабу не тянет и не допускает рядом с собой баб красивее ее. Твоя жена такая же старая, как и ты? Сколько ей?

– Сорок шесть.

– А тебе?

– Через полгода будет пятьдесят восемь.

– Тогда лети. Баба твоя ей не конкурентка. Сразу она тебя не выгонит, глядишь, и до пенсии дотянешь, если не помрешь от инфаркта или инсульта. Она может довести. Давай выпьем за твое там здоровье.

Графов не возразил и, выпив, поинтересовался:

– А что ты о нем можешь сказать?

– О ком, о нем?

– О Федотове, ее муже.

– А, о торгсоветнике. Я его даже не видел. Знаю только, что у него редкое имя.

– Вла.. дилен Афанасьевич, – подсказал Графов, тоже не сразу вспомнив.

– Точно, Владилен, от Владимира Ленина. Наверное, его отец был коммунистом. И сам наверняка им был. Уверен, что порвал билет, – усмехнулся Саша. – А я не порвал. Храню, как память о нормальной жизни. Ты ведь тоже был коммунистом?

– Почему был? Я им и остался, только тем, советским. Что ты еще о Федотове знаешь?

– Больше ничего, кроме того, что он почти на двадцать лет старше Эльвиры, и она с помощью Семина, когда того турнули из правительства и отправили в Нью-Йорк, выбрала его в мужа около года назад, чтобы тоже уехать за границу, хотя он был женат. Говорят, Семин предлагал ей несколько кандидатур в мужа, но она выбрала именно Федотова, как наиболее подходящего для работы у вас, хотя как мужик он ей на хер не нужен. Она все просчитала. Уверен, что после Австралии она его заменит на другого, моложе и выгоднее.

Саша опять заржал. Графов запомнил крошки хлеба у него на бороде и не мог понять, откуда они, если они только пили.

Он не рассказал жене об этой встрече, чтобы не тревожить ее. Отвечая на ее вопрос о жене торгсоветника, ответил, что она намного моложе его и тоже работала в правительстве.

– Ну и что? – добавил он, – тем интереснее будет узнать, что представляют ныне правящие нами люди.

– Уже сегодня кое-что узнали. Только мало в этом приятного, – ответила она уныло.

Он видел, что она не переставала думать о звонке Федотова. Думал и он, хотя старался не показывать ей это. Лежа в постели, он даже нарочно похрапывал, чтобы заставить ее уснуть. А сам думал о том, что не все так, как надо, складывалось у него с этой Австралией. Начал он оформляться на одну должность и к одному торгсоветнику, кадровому работнику, которого знал, а улетает на другую должность и к другому торгсоветнику, не имеющего к этой должности никакого отношения, зато к большому человеку, отброшенному в сторону во время очередной грызни за власть после распада СССР и надумавшему отсидеть бардачное время в безопасном и теплом местечке за кордоном. Чтобы освободить для него это место, его предшественника, не проработавшего и половины срока, вернули домой и отправили на пенсию. Свою деятельность Федотов начал активно. В первый же месяц добился ликвидации должности не устроившего его по каким-то причинам своего зама, тоже опытного работника. С учетом этого кадры решили перевести еще не выехавшего Графова с должности экономиста на оперативную работу, чтобы окончательно не загубить ее при таком торгсоветнике. Хорошо, что за годы работы в системе Графов познал многие специальности, и этот перевод его даже больше устраивал. И вот сейчас не понятная и несерьезная просьба о переносе даты вылета. Черт голову сломит.

Да и этот бухгалтер Козлов произвел на Графова очень уж странное, если не сказать жуткое впечатление. Прилетев в Москву, он уже утром на следующий день позвонил Графову и сказал, что привез ему личное послание торгсоветника. Графов назвал ему номер своего кабинета и уже через час услышал стук в дверь и мужской голос, произнесший секретарю его фамилию. Обернувшись, он увидел человека, походившего на печника Валеру, когда тот впервые появился у них на садовом участке летом прошлого года в поисках работы. Оля, заметив его первой, даже отшатнулась и прошептала:

– Не связывайся с ним, он пьяница.

На Валеру страшно было смотреть. Оба его глаза были подбиты, свернутый в сторону нос кровоточил. Все лицо было в ссадинах и кровоподтеках, словно им только что подмели полкилометра асфальтовой дороги. Длинные волосы слипшимися прядями свисали до плеч. Черный пиджак и брюки были серыми от засохшей грязи.

Разница вошедшего с Валерой была лишь в том, что на его лице не было крови, но оно тоже было в красных пятнах. Впечатление, которое он произвел на Графова, было, пожалуй,

сильнее, чем от Валеры. Там бы Графов больше удивился, если бы Валера был нарядно одет. Здесь же он, напротив, ожидал увидеть одетого с иголки иностранца, как обычно одевались вернувшиеся из-за границы работники министерства, включая и его самого.

Вместо франта к его столу подошел, если не оборванец, то очень неряшливо одетый и с неприятным лицом мужик средних лет. Позже, когда он сидел рядом, Графову, рассмотревшему его получше, стало стыдно перед Валерой, что он так его обидел, тем более что тот сложил им две великолепные печи. В сравнении с Козловым Валера был красавцем, когда побрился и надел подаренные Олей рубаху и брюки.

Одет Козлов был в костюм, нет, никакого костюма на нем не было и в помине. Одет он был в изношенную джинсовую куртку без половины пуговиц и в короткие мышиного цвета брюки, не знавшие утюга. Серые со стопанными каблуками полуботинки были, скорее всего, подобранными на свалке, так же, как и непонятного цвета рубаха.

В довершение ко всему лицо Козлова было покрыто диатезными пятнами и шелушащимися лишаями. Серые до плеч сзади и короткие на лбу волосы были не чесаными, и, казалось, последний раз их подстригли неумелые руки.

Однако они быстро разговорились. Графова интересовало все: и где он будет жить, и сколько в торгдome машин, и какой они марки и зарплата.

– Вам-то обижаться не придется, – заверил Козлов. – Вы будете получать еще и за завхоза по совместительству вместо Володи Голубева. Вы же его меняете?

– Если оперативник он, то его. Как я понял, мое согласие на завхоза не требуется?

– Кто же откажется от ста пятидесяти долларов, хотя и австрийских? Они на двадцать процентов дешевле американских. Но и они на улице не валяются. Кроме того, больше некого назначить. Федотову и мне нельзя, как имеющим отношение к деньгам. Остались вы или экономист. Но когда он приедет?

– Завхозом, так завозом. Все время быстрее пройдет, – сказал Графов. – Как там сейчас с погодой?

– Сейчас она там почти такая же, как здесь, хотя там середина зимы. Снега нет, днем до двадцати тепла, ночью холоднее, но минус бывает редко. Я всю зиму хожу в этой куртке. Скажите жене, чтобы шубу с собой не брала. Лучше купите побольше зубной пасты.

– Это зачем?

– Она там дорогая, до пяти долларов за тюбик.

Поинтересовался Графов также, что из себя представляет торгсоветник как человек и работник. Не удержался и спросил с усмешкой, отличает ли он СИФ от КАФа, подтвердив вопрос анекдотом про директора созданной на заводе внешнеторговой фирмы, бывшего зама по снабжению, которого спросили, на каких условиях он поставляет товар на экспорт, на условиях СИФ или КАФ. «А, это все внешторговые штучки, – отмахнулся он. – Я гоню товар напрямую».

В маленьких непонятного цвета глазах Козлова вспыхнул живой интерес к Графову, похожий на «Давай, давай, еще что скажешь?» Сам же он был осторожен в ответе:

– Я в ваших тонкостях не разбираюсь. По-моему, Федотов нормальный мужик во всех смыслах.

– Это хорошо, – обрадовался Графов. – Главное, чтобы был человек хороший. А как у него с языком?

Глазки Козлова слегка заметались.

– Язык у него пассивный.

– Читает, но не говорит?

– Мне трудно судить. Я совсем не говорю по-английски. Нам это не обязательно. На переговоры он берет обычно Володю, так как у экономиста Громова язык похуже. А вы язык хорошо знаете?

По тону, которым Козлов спросил, Громов догадался, что это было главное в их встрече. Но он ожидал этого вопроса и ответил:

– Я работал в Канаде три года финансовым директором нашей фирмы. Там отчет был по местным законам на английском языке, и особых проблем с ним у меня не было. Месяц назад я пересдал здесь экзамен на надбавку к зарплате. Правда, за английский мне не платят, потому что уже получаю ее за немецкий и шведский.

– По сравнению с ними английский у вас хуже или лучше?

– Хуже немецкого, который я знаю со школы, но лучше шведского, который я уже стал забывать без практики. После Канады тоже прошло уже восемь лет, но с английским я сталкивался в командировках. Думаю, для моей работы в Австралии он вполне достаточен. Проблем не будет. Но на переводчика я не потяну и не им туда еду.

Узкие потрескавшиеся губы Козлова дернулись в едва заметной довольной ухмылке.

Он произвел на Графова неприятное впечатление не только своей внешностью. Что-то скользкое, хитрое и недоброе было во взглядах этого человека. С какой нескрываемой радостью ловил он каждое неосторожное слово Графова! Казалось, выйдя из комнаты, он тут же побежал докладывать об увиденном и услышанном. А ведь нам придется работать бок о бок, подумал невесело Графов. А тут еще эта баба. И этот звонок.

Уснул он с трудом и проснулся с тяжелой головой.

Федотову все не понравилось в разговоре с Графовым по телефону: и то, что он запнулся в его имени (не мог же он не узнать, кем был Федотов до этого), и то, что не было в его голосе растерянности, волнения и уважения к чину, мало того, он даже возражал! Такое поведение нужно пресечь в самом начале, повелел себе Федотов, иначе оно повлияет на других.

Он закурил и задумался. Он не ожидал, что у него будет так плохо с английским языком. До сих пор он не только не говорит, но и не понимает, что говорят. Зато это сразу поняли те, с кем он встречался здесь. Он видел это по их недоуменным взглядам и недвусмысленным улыбкам. Они наверняка читали его интервью австралийским СМИ три месяца назад в Москве, в котором он сказал, что ему будет достаточно двух недель, чтобы отшлифовать свой английский. А здесь он уже четвертый месяц и ни бум-бум. Без переводчика я здесь ноль, не переставая, думал он с тоской. Одна надежда на этого Графова, каким бы он ни был.

Он загасил сигарету и вернулся в спальню.

– Ну как, согласился? – встретила его проснувшаяся жена.

– Пусть только не согласится, – жестко ответил он. – Это ему дорого обойдется.

– Вот теперь я вижу не тряпку, а настоящего мужика. Иди, докажи, что ты мужик и в постели.

Увидев откинутое одеяло и манящее тело жены, Федотов быстро снял трусы.

Хозяйка всегда хорошо себя чувствовала после оргазма. За три месяца, что они здесь, она испытывала его с Федотовым лишь дважды. Может климат подействовал на него, но он заметно сдал как мужик и быстро кончал. За какие-нибудь десять минут она не успевала даже возбудиться и еще долго лежала с открытыми глазами, слушая с неприязнью засыпавшего мужа. Она знала, что будить его бесполезно. Даже, если он просыпался, то толку от него уже не было никакого, и тогда ее рука сама тянулась к вибратору, спрятанному в прикроватной тумбочке. Но она никак не могла к нему приспособиться, и уж, конечно, он не мог заменить живой член, даже самый захудалый.

В десять она поднялась с постели и подошла к зеркалу, любуясь собой. Подняв грудь и придав ей округлую форму, она представила, как Володя гладит ее. Уже одно это приподняло ее настроение.

Надо съездить в хламушку и подыскать красивый лифчик, подумала она, вертясь перед зеркалом. Однажды ей там попался полупрозрачный с очень красивыми узорами бюстгальтер в комплекте с трусами, но они были малы. Любовь Петровна тоже обещала поискать что-нибудь на копейке, куда она ездит по воскресеньям. Самой хозяйке появляться там нельзя – статус не позволяет. Все знают, кем она была, да и сейчас жена торговца, второго человека в посольстве..

Она вышла из спальни и подошла к телефону.

– Вы уже дома, Любовь Петровна? – спросила она, услышав знакомый голос. – Вам привет от Анатолия Григорьевича. Сейчас приеду, расскажу подробно.

Услышав гудки в трубке, Любовь Петровна Козлова вздохнула и пошла накрывать стол, достав специально купленные для хозяйки кофе «Мокко» и креветочные палочки, которые та обожала. Пересчитав их, она увидела, что Гриша съел одну, и осталось шесть. После того, как она его отругала, больше одной он не брал. Хозяйка редко ела больше трех, так что на сегодня их должно хватить с избытком, одна обязательно должна Гришке достаться.

Она знала, что хозяйкино «сейчас» длится не меньше часа и за это время успела постирать купленное в хламушке и развесить на лоджии. Наконец послышался зуммер в домофоне.

– Ой, что это с вами, Любовь Петровна? – вместо приветствия спросила Эльвира Николаевна. – У вас такое старое морщинистое лицо, что смотреть страшно. Разве вы мочой не умываетесь?

Даже привыкшая ко всему Любовь Петровна удивленно подняла брови.

– Мочой?

– Да, а вы что удивились? Не слышали? А зря. Я каждый вечер умываюсь мочой. Собственной, конечно. Видите, какое у меня белое красивое лицо. Это от мочи.

– Старая я уже, Эльвира Николаевна для красоты. Мне уже никакая моча не поможет.

– Это вы напрасно, Любовь Петровна. Какая же вы старая? Я только недавно узнала, что мы с вами ровесницы, я думала, вы намного старше, вы просто опустили. Смотрите, это может не понравиться Анатолию Григорьевичу.

– Но я боюсь, что ему может не понравиться, что от меня будет пахнуть мочой. Ведь мы иногда целуемся.

Хозяйка ничего на это не ответила и ловко перевела разговор на другую тему.

– Я вижу опять мои любимые палочки. И, кажется, те самые, что я вчера не доела.

Сейчас спросит, куда делась одна, испугалась любовь Петровна, но гостью шесть палочек удовлетворили. Зато она спросила про кофе, отчего бледное лицо Любви Петровны пошло красными пятнами, как у мужа:

– А кофе у вас настоящий или вы насыпали дешевый в эту банку?

– Напрасно вы так меня обижаете, – ответила Любовь Петровна почти сердито, вспомнив про десять девяносто пять, которые она отвалила за крохотную банку этого «Мокко». По новой банке могла бы, корова, догадаться. За эти деньги можно скупить полкопейки. – Ведь я тоже могу подумать, что вы не отличаете «Мокко» от «Маквелла».

– Конечно, я отличаю, – обиделась Эльвира Николаевна. – Что это на вас нашло сегодня? Вы что, шуток не понимаете?

– Вы сказали, что звонил Анатолий Григорьевич, – на этот раз увильнула от ответа Любовь Петровна. – Я всегда подозревала, что он вас больше любит. Вот видите, мне он не позвонил, сэкономил.

Хозяйка улыбнулась снисходительно и приступила к рассказу.

– Как вы знаете, Владилен Афанасьевич велел Анатолию Григорьевичу встретиться с этим стариком Графовым. Тот произвел на вашего мужа просто отвратительное впечатление, как я и ожидала. Мало того, что он совсем старый, за что его давно надо было отправить

на пенсию, а не посылать сюда, так он еще совершенно не знает английского языка. У вас есть что-нибудь выпить?

Любовь Петровна молча вынула из холодильника и поставила на стол бутылку любимого хозяйкой джина и две бутылочки тоника.

– Вы знаете, здесь ведь разрешается пить за рулем, – сказала Эльвира Николаевна, наливая в свой бокал. – Кажется, сто грамм водки каждый час, может меньше, может, больше, что-то около этого. А вам налить?

– Спасибо, я сама налью.

Когда они чокнулись и выпили, хозяйка продолжила:

– Когда мы узнали об этом, мы решили, что ему с нами не работать. Я тут же заставила Владилена Афанасьевича перезвонить Анатолию Григорьевичу, чтобы узнать телефон этого хама, и позвонить ему лично, заставив его не вылетать, пока мы не разрешим. А мы, будьте уверены, ему не разрешим, потому что он не тот человек, который нам нужен. Да и его здесь никто не ждет. Я вам скажу по секрету, что Владилен Афанасьевич еще не решил, кого заменить этим стариком: Володю, вы представляете этого старика вместо Володи? – или Громова, конечно, он не Володя и почти без языка, но работать с ним можно. Нам ведь хорошо было. Даже отъезд Петрова зависит от этого Графова, которому он должен передать часть дел. Я вам все разложила по полочкам, как на духу. Как видите, он никому здесь не нужен.

– И это правильно, Эльвира Николаевна. Нам лучше, чтобы он совсем не приезжал. Нам и так хорошо.

– Надо сделать так, чтобы, если он даже прилетит, то чтобы сам не захотел здесь остаться. Мы должны окружить его железным занавесом с первой секунды. Никаких контактов с ним и его женой! Вы это все передайте. Я тоже скажу. И тогда я вам обещаю, больше месяца они не выдержат и сами сбегут отсюда. Да, вы знаете, кем работает его жена?

– Откуда мне знать? Я человек маленький. Может, Толя узнает.

– Так я вам скажу. Нянькой в детсаду она работает! Интеллект на уровне детей, которым она зад подтирает. Вы представляете, кого к нам присылают?

Выслушав рассказ Графова о звонке торгсоветника, Финников, работник управления кадров, среагировал четко и ясно:

– Пошел он куда подальше, опять крутит, вертит. Человек он, как вы понимаете, для нас чужой, навязанный сверху. Привык командовать. В этом смысле вам не позавидуешь, будет нелегко. Держитесь. Иного выхода у вас нет, учитывая ваш возраст, а главное, бардак в стране. Другой возможности выехать у вас не будет. Нас опять собираются преобразовывать, на этот раз основательно. Ваш главк по экспорту машин и оборудования хотят ликвидировать. Вот ломаем голову, что делать с людьми. Всех пенсионеров, а кое-кого и раньше отправляем на покой. Так, что тут вам повезло, хотя вас мы бы не уволили. Выбирать страну и должность вам не приходится. Ваши акционерные общества за границей все закрыты или преобразованы в частные компании, нам уже не принадлежащие, экспортные объединения тоже ликвидируются. Не имею представления, какой оперативной работой вы будете заниматься в Австралии, тем более при этом торгсоветнике. Разве что экспортом айсберга из Арктики, о чем сдуру Федотов ляпнул в своем интервью перед отъездом. У нас одна надежда на вас, что там будет вестись хоть какая-то работа. Заниматься штатной чехардой мы ему больше не позволим хотя бы год – два. Она уже у нас в печенках. А за это время многое изменится. И правительство может поменяться и к нам придет нормальный министр. Пойдем, покурим, заодно поговорим.

Они вышли в коридор, а там – на лестничную клетку и закурили. У Финникова были выющиеся цыганские волосы без единой седины.

– Как это вам удалась? – поинтересовался Графов.

Тот заулыбался, пропуская кудри сквозь пальцы. Ответил, глядя на густую шевелюру Графова:

– Вам-то жаловаться грешно. У вас волос на три моих головы хватит. Если бы я не знал, сколько вам лет, ни за что не подумал, что вы старше меня. А седина мужчину лишь украшает как признак ума. Я всю жизнь мечтал иметь посеребренные волосы. Хоть подкрашивай, чтобы выглядеть умнее.

Они посмеялись, затем Графов поинтересовался:

– Вы видели человека, которого Федотов предложил на должность экономиста вместо меня?

– Видел, но он отказался. Сейчас ищем другого.

– Почему отказался?

– Из-за жены торговца. Лучше, говорит, на Колыму, чем под ее начало.

– Вместо него есть кто на примете?

– Думаем оформить одного тоже упорно навязанного со стороны.

– Что из себя представляет?

– Тридцать два года. Кандидат экономических наук. Полгода работал у нас в кадрах, вернее стажировался для последующего направления в одну из командировок за границу. В целом парень не плохой. Вы его наверняка встречали, а может, и знаете. Ширинский Борис Сергеевич.

– Не слышал о таком. Как у него с языком?

– Сдал на четверку на наших курсах.

– Молодой, там быстро научится говорить. Я в Финляндии в конце шестидесятых шведский в объеме наших курсов выучил за год. – Графов помолчал, вспоминая, затем спросил. – Так как быть с просьбой Федотова о переносе вылета?

– Я ему сейчас подтвержу телексом, что вы вылетаете в воскресенье своим рейсом, и напомним о встрече вас в аэропорту. Так что спокойно вылетайте, как запланировано. И вот что. Попробуйте быть с ним погибче. Как-никак был замом главы правительства и работал в аппарате президента. Есть, кому на вас пожаловаться. А мы постараемся вас от него ограждать.

Он получил аттестат, загранпаспорта и пошел прощаться с сослуживцами уже окончательно. По дороге он встретил у лестничного пролета кутившего своего начальника отдела Мухина. Выслушав о разговоре в кадрах, Мухин поддержал совет быть погибче с торговцем.

– Что это значит? – спросил сердито Графов. – Я еду работать, а не зад лизать.

– Зад лизать не надо, а возражать поменьше попробуй. Сказал сделать так, хорошо, мол, сделаю, как скажете. Не так, как ты обычно говоришь, а я думаю, надо так. Это ты мне можешь так сказать, а он, как-никак, государственный человек.

– Глупость я тоже должен делать?

– Сделай по-своему, но так, чтобы не обидеть его.

– А если спросит, почему сделал по-своему?

– Скажи, что не привык делать глупость, – улыбнулся Мухин. – Что ты ко мне пристал? Я откуда знаю?

– Может, отказаться? – вырвалось у Графова.

– Я буду только рад. Мне тебя очень будет не хватать. Сколько бы раз я ни возвращался в отдел перед концом работы и позже, ты всегда один сидел за своим столом. А с другой стороны, я понимаю, что эта командировка перед пенсией тебя поддержит материально. И потом на тебя это не похоже, я имею в виду отказаться. Кому-то другому можно, но не тебе с твоим характером. Что ты, собственно, теряешь? В любое время мы примем тебя с распростертыми объятиями, если, конечно, сохранимся. И все же, на всякий случай, будь с ним погибче.

– Что же ты из Франции уехал раньше несгибаемым, так и не сработавшись с генеральным директором фирмы?

Слегка смутившись, начальник ответил:

– Но он же был совсем придурок.

– А там будут два придурка: торгсоветник и его жена.

Они вместе прошли в отдел. Графов увидел в дальнем углу накрытый стол. Советы и пожелания ему были высказаны вчера, на этот раз в центре внимания оказалась Оля, производшая на тех, кто ее увидел впервые, восторженное впечатление. Частично причиной этого был он сам, имевший идиотскую привычку называть на работе жену старухой, какой ее и представляли новички в отделе, судя по его возрасту. А увидев ее вчера, они просто онемели от возмущения им.

В начале шестидесятых годов понятие модели женской красоты лишь зарождалось, и шестнадцати – семнадцатилетнюю Олю местные фотографы нередко бесплатно снимали, вероятно, в надежде поместить ее фото в журнале мод. Но либо опыта у них не хватило или Олина красота не дотягивала до эталона, от этих попыток у нее сохранилось лишь несколько потускневших фотографий. Но они не совсем точно передавали ее красоту, которую кто-то назвал пронзительной. Графов, не встречавший такое определение, был с ним полностью согласен. Он женился на подходе двадцати восьми лет, когда его уже считали холостяком. Все его одноклассники и однокурсники уже имели детей, а он все еще искал свой идеал женской красоты, придуманный им еще в школе. Со временем этот идеал видоизменялся от одной увиденной красавицы до другой, но в целом оставался вполне сложившимся. До знакомства с Оленькой, как называл он ее всю жизнь, он лишь однажды после второго курса института встретил на пляже в Сочи юную грузинку, отвечавшую его идеалу, и за которой он пошел бы в огонь и воду, помани она его взглядом огромных темно-карих глаз. Но она была в окружении двух бдительных женщин, скорее всего матерей ее и стоявшего рядом болезненно ревнивого жениха или мужа. Обе женщины не отходили от нее ни на шаг, расположившись по обе стороны. Парень, кстати, совсем не видный и явно ей не пара, почему-то одетый, куда-то уходил, а возвратившись, стоял или прохаживал метрах в двух от загоравшей скорее всего невесты.

Лежа недалеко от них и не спуская с красавицы глаз, Федя отчаянно пытался придумать, как привлечь ее внимание, познакомиться с ней и получить адрес. Писать письма он умел, разбавляя их своими стихами. Один раз он встретил ее беглый взгляд, но не успел среагировать, пораженный темными зрачками на фоне свежей синевы, как у одной из одноклассниц, в которую он был влюблен в пятом классе. И вдруг через минуту она опять взглянула на него, на этот раз внимательно и с явным интересом, он даже успел пригласить ее глазами в море искупаться и начал приподниматься, и тут одна из женщин резко повернулась к нему, пронзила сердитым взглядом и что-то сказала девушке, после чего они стали одеваться и быстро ушли. Парень, возившийся с часами, спросил что-то одну из женщин и понес сумку, видно, так ничего не поняв. Обе женщины по очереди оборачивались на Федю, а красавица не рискнула. За ней он не пошел, поняв, что бесполезно, но ее образ засел в его сердце как эталон его будущей жены. Встречаясь с девушкой даже длительное время, он знал, что не женится на ней, так как она внешне не походила на ту грузинку. И вдруг он увидел на работе у автомата с газированной водой молоденькую девушку и в ту же секунду сказал другу, что на ней бы он женился.

– В чем дело? – ответил друг, – что тебе мешает?

Мешал очень представительный мужик лет сорока в бежевом костюме с модным галстуком, которому она мило улыбаясь.

– Не везет мне, – пожаловался Федя другу, вспомнив грузинку. – Как увижу, на ком женился бы, она либо уже замужем, либо занята.

– Откуда ты взял, что эта занята? Он ей в отцы годится, – возразил неуверенно друг, глядя паре вслед.

Месяца два спустя на вечере, посвященном интернациональной дружбе молодежи, в организации которого член комитета комсомола НИИ Федя принимал активное участие, после торжественной части увидел ее, танцующей с ослепительно красивым латиноамериканцем. На этот раз, наплевав на все, в том числе на красавца, Федя уже не спускал с девушки глаз и на следующий танец первым пригласил ее, опередив двоих и в том числе красавца. Она бросила взгляд на них, словно извиняясь, и улыбнулась ему в знак согласия. От ее очаровательной улыбки он едва не лишился дара речи, но быстро сумел вернуть его, и дальше, как говорится, было делом техники, вернее, его умения заговаривать девушкам зубы, и домой провожал ее он. Она жила в полукилометре от работы. Что он ей говорил, после он не имел представления, но прекрасно запомнил, что упорно уговаривал ее взять брелок с ключом от его квартиры, не догадываясь, что ей было всего лишь шестнадцать лет. Об этом он узнал, заглянув в ее учетную карточку в комитете комсомола. Год и полмесяца ему пришлось ждать свадьбы до ее совершеннолетия.

Самое интересное, Оля несколько не походила на миниатюрную, с длинной по пояс черной косой, черноглазую грузинку. Ростом она выделяясь среди подруг и на каблуках была чуть выше его, чей рост в то время немного не дотягивал до среднего мужского, а она, соответственно, была заметно выше среднего роста девушек военных и послевоенных лет рождения. И лицом она несколько не походила на почти детское, почему-то бледное, несмотря на жгучее южное солнце, лицо той южанки, а была круглолицей, с не очень крупными светло – карими глазами, с короткими слегка завивавшимися темно-каштановыми волосами, иными словами, была обычной только что вышедшей из подросткового возраста красивой русской девушкой, каких вокруг Графова было полным – полно. Разве что фигурой, на его взгляд, она слегка отличалась от других стандартных девичьих фигур, либо слегка полноватых, либо худоватых. А у нее она была та, что ему нравилась: заметная грудь, плечи уже помы и тонкая в обхват пальцами рук талия. Но что-то в ней было такое, что заставило его моментально забыть свой идеал и сказать другу то, что он сказал. Потом, будучи ее мужем, он, как должное, воспринимал выделяющие ее среди других женщин взгляды не только мужчин, но и женщин, считая это подтверждением определения пронзительности ее красоты. Частично он приписывал это ее обворожительной улыбке, от которой просто невозможно было отвести глаз.

Еще одну особенность он заметил в ней. Как и многие мужчины, при взгляде или при знакомстве с девушкой, он вольно или невольно представлял ее в постели или, говоря современным языком, оценивал ее сексуальность. Ничего подобного у него не возникло при первом взгляде и при знакомстве с Олей. Она принадлежала к тому типу красавиц, о которых Сергей Есенин писал «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз светло карий омут». Не удивительно, что поцеловал Графов Олю лишь через три месяца и совсем не как других, а лишь прикоснувшись к ее закрытым губам, и он сразу понял, что целоваться она не умела.

Она сразу захотела ребенка. Жили они в первые годы бедновато, и расцвела она по-настоящему, когда он перешел работать в Министерство внешней торговли и начал ездить в заграничные командировки. Секретарь отдела Ира, много раз разговаривавшая со «старухой», вчера не могла отвести от Оли восхищенного взгляда и прямо-таки зашипела от возмущения на него. Наперебой любезничали с Олей два новых зама начальника главка, намного моложе ее. Сам начальник главка знал ее двадцать лет и на этот раз лишь привычно заметил ей, что она все так же очаровательна. У него самого жена была значительно старше его, и Графов так ни разу ее не увидел, как и другие работники главка. Он с пониманием относился к амурным делам начальника, как и тот к его отказу присоединиться к нему, пояснив разведением рук: «Конечно, при такой жене».

И последними словами при прощании Графова с отделом были: «Большой привет Ольге Павловне. Не обижай и береги ее там».

Встретив его у двери, Оля сообщила, что звонил Козлов и интересовался, когда они вылетают:

- Я сказала, что послезавтра. Что я могла ответить?
- Правильно сделала. Тебе привет от отдела. Еле отпустили.
- Вижу. Удивляюсь, как тебя в метро пропустили.
- А что? Разве я похож на пьяного? Родьку привезли?
- Мультик смотрит в большой комнате.

Графов заулыбался и кинулся к внуку. Видя его, он забывал все на свете. Что его действительно волновало, так это разлука с ним. Дочь ни под каким предлогом не согласилась расстаться с сыном хотя бы на полгода. Но поразил сам Родион.

– А ты бы от своей мамы уехала, если бы была такая маленькая, как я? – спросил он бабушку. – Разве ты бы по ней не скучала?

Оля прижала его к себе и ответила:

– Конечно, скучала бы очень и не уехала бы от своей мамы. Но ведь и мы будем по тебе скучать очень – очень.

– И я буду тоже скучать. Но как ты не понимаешь, она же моя мама. Я приеду, а она будет уже старенькая.

– Я тебя понимаю, мой зайчик. Ты правильно поступаешь, моя рыбка. Только ты нам пиши часто – часто.

– Я уже без ошибок пишу. Я буду писать вам часто – часто.

Труднее всего было прощаться с ним в аэропорту. До этого он держался стойко, словно они уезжали на дачу или в отпуск. И только, когда багаж был сдан, и он увидел, что бабушка целует маму, он забеспокоился, прижался к ней, и в глазах появились слезы.

– Зайчик мой, я должна идти. Давай поцелуемся, – сказала Оля, наклоняясь к внуку.

Он обнял ее за шею и ткнулся губами в ее щеку. Почувствовав его слезы, она прошептала ему в ушко:

– Не надо плакать, птенчик, а то и я заплачу.

Графов подошел к ним и тоже прижался к внуку.

– Родион, – сказал он строго, – ты остаешься здесь вместо нас, понял? Дачу и машину мы оставляем на тебя. Следи за ними, понял?

– Понял, – кивнул Родион. – А как следить?

– Приедешь на дачу, поздороваяешься с ней, проверишь все ли в порядке и, что нужно, польешь.

– Как поздоровуюсь?

– Так и поздороваяешься. Скажи: «Здравствуй, дача».

Родька заулыбался.

– А машине сказать «Здравствуй, машина»?

– Ага, ага, – заулыбался Графов.

К ним подошел зять Сергей, сказал:

– Федор Павлович, пора. Опоздаете.

Они оборачивались и отыскивали в толпе провожавших маленькую фигурку внука.

Глава вторая

В аэропорту Сиднея их встретил работник консульства, сказавший, что его попросил об этом Федотов и что за ними приедут через три дня. Он отвез их в гостиницу консульства, а уже через час Графова пригласил к себе в кабинет консул Блинов, довольно любезный человек лет пятидесяти. После недолгого разговора об обстановке в Москве и министерстве, консул основательно стал расспрашивать Графова о работе, странах, где бывал, зачем-то несколько раз переходил на английский язык. Графов, поняв, почему, упорно отвечал по-русски, а потом и сам задал пару вопросов.

Едва он вышел, как Блинов схватил телефонную трубку и слово в слово передал весь разговор Федотову.

– Какое впечатление в целом? – спросил тот, внимательно выслушав.

– Честно? – спросил консул. – Если бы я не знал, что ты торгсоветник, я бы подумал, что он им едет.

Услышав гудки, консул представил физиономию Федотова и, открыв рот, беззвучно засмеялся.

Хорошо, что они взяли с собой доллары, и голодать им не пришлось, тем более что в гостинице была кухня. Погода, как и говорил Козлов, была довольно теплая, безоблачная, около пятнадцати плюсовых градусов, несмотря на зиму. Два дня они много гуляли по городу, в котором Графов был двенадцать лет назад и смутно что-то помнил. Никто ему не звонил, и он тоже. Казалось, о нем забыли. Лишь на четвертый день, вернувшись вечером в гостиницу и поужинав, они услышали стук в дверь. В номер вошли прилично одетый высокий красивый парень, представившийся Володей, и... Козлов, который должен был приехать через шесть дней. Он был все в той же куртке без пуговиц и стоптанных полуботинках. Ольга Павловна попыталась усадить их за стол выпить кофе, но они, сославшись на то, что уже поужинали, быстро ушли, предупредив, что выезжают в Канберру завтра в восемь утра.

После их ухода Оля долго не могла придти в себя.

– Ой, мамочки, – наконец проговорила она. – Когда ты рассказывал о нем, я представляла его некрасивым и неряшливым, но чтобы такое чудовище. Кто же за него замуж вышел? Жена у него есть?

– Откуда знаю? Должна быть.

– Сама что ли такая? Что же она за ним не следит? Хотя бы одевала, как человека. Все не так бы бросался в глаза.

– Зато Володя приятный. Красавец парень.

– Мне тоже понравился. Хороший мальчик.

Они приехали чуть позже восьми на солидном малиновом пикапе «Мицубиси». Ожидавшие их на улице Графовы быстро погрузили два своих чемодана и две коробки в объемный багажник рядом с вещами Козлова. По дороге они заехали в несколько мелких продуктовых магазинов и лавок на окраине города с продавцами азиатского вида, что скрасило нудный и долгий выезд из города в разгар часа пик. Ничего особенного по сравнению с канадским Ванкувером пока они не увидели. Такие же низкие дома вдоль дороги, облепленные рекламой. Козлов и Володя купили по несколько коробок фруктов и прочих продуктов. Глядя на них, накупила разных фруктов и Ольга Павловна, обратив внимание на низкие цены в сравнении с ценами в центре города.

– Берите больше, – посоветовал Козлов. – В Канберре все в два раза дороже.

Кое-что они еще добавили не только из фруктов, а из сладостей, не переставая думать, что их там ожидает, судя по всему, мало хорошего. Частично подтверждали это и Козлов с Володей, громко разговаривавшие о своем, не обращая внимания на приезжих, словно не к ним на работу они приехали. Ну и, как говорится, хрен с ними, подумал Графов, а когда Сидней остался далеко позади, и вокруг стал появляться однообразный голый пегий пейзаж, омраченный непонятного серо-бурого цвета тучами, – хорошо, что хоть не было дождя, – стал рассказывать жене о своей поездке из Сиднея в Канберру во время командировки двенадцать лет назад.

– Насколько я помню, Леня Зимин вез меня в Канберру несколько часов, три – четыре, если не больше. Это было в декабре, здесь уже было в разгаре лето, и все по этой дороге цвело и благоухало. А сейчас у них зима, – словно оправдался он перед женой за ненастную погоду, видя, что ей не нравится вид. – Вот-вот должны появиться эвкалипты. А вот и они. Смотри, какие они огромные! Их даже огонь не берет. Помнишь, я тебе рассказывал про пожар, который был здесь накануне моего приезда? Леня Зима рассказывал, что все деревья вдоль этой дороги выгорели, даже дубы, а эвкалипты выстояли. Я сам их видел с обуглившими стволами и уже с маленькими листочками.

В одном месте, где дорога проходила по широкому мосту через глубокий, поросший деревьями и кустарниками овраг, склоны которого переходили в каменные горы, тоже поросшие деревьями, неожиданно выглянуло солнце, моментально всё преобразив, словно улыбка мрачнее лицо. Оля схватила фотоаппарат и попросила Володю остановить машину.

– Здесь останавливаться нельзя, – бросил он, не сбавляя скорости. – Могу остановиться за мостом, если хотите.

– Ой, что вы, не нужно. Простите, я не знала, что здесь запрещена остановка.

Вскоре опять потемнело небо, и пошел мелкий дождь.

Машина остановилась, Козлов и Володя выскочили одновременно из машины и, перебежав перед ней дорогу, поменялись местами. Графов заключил из этого, что Козлов лучше водит машину. Но таксистом ему работать нельзя, подумал он, не всякий сядет в его машину.

Машина пошла после этого быстрее, несмотря на дождь. Графов взглянул на спидометр, обратив внимание, что скорость перешла стокилометровую отметку.

– Не большая скорость для дождя? – спросил он.

– Для такой машины нет, – ответил весело Козлов. – Но, если боитесь, можно и сбавить. Отвыкли от скорости на наших колывагах?

– Почему отвык? На своей «Волге» я и больше выжимаю, – возразил Графов и почувствовал, как жена сдавила ему руку. – И никакая она не колывага. Надежная машина для наших дорог и сервиса.

– А на других, я имею в виду иностранные марки, вам приходилось ездить?

– Приходилось, но это не отразилось на моей любви к «Волге».

Пальцы жены опять зашевелились в его руке.

– На каких машинах?

– Не помню. Они для меня все одинаковые, а «Волга» одна.

– В каких странах вы ездили на машинах?

– В Финляндии и в Канаде, где я работал в длительных командировках, приходилось водить и во временных поездках в Европу. А в Африке, Южной Америке и тем более в Юго-Восточных странах водить не рисковал, там без местного опыта сразу попал бы в аварию.

Больше Козлов не спрашивал, чем очень обрадовал Олю. Обычно муж не распространялся о своих командировках в другие страны, которых она как-то насчитала около тридцати. А тут зачем-то решил о них рассказать. Графов, конечно, помнил машины, на которых приходилось ездить. Среди них были и очень понравившиеся, например, Додж Кадиллак, Малибу

и особенно Мазда, но ему не хотелось давать в обиду свою «Волгу», сколько раз выручавшую его дома в бездорожье.

И вдруг после долгого молчания Козлов запел, сначала совсем тихо, что даже слов не было слышно, затем чуть громче. Голос у него был чистый, ближе к тенору, довольно приятный. Пел он русскую народную песню, которую Графов не слышал целую вечность, про доброго молодца, которому во сне привиделось, что ему отрубили буйную голову, покотившуюся по траве. Песня была тянущая, с завываниями, повторами, и под нее хорошо думалось и дремалось. Оля прижалась к мужу и притихла. А сам он мысленно подпевал и представлял этого красивого, как Володя, молодца на резвящемся коне, и страшного, как Козлов, есаула, вспомнил вдруг свою первую и последнюю езду верхом на лошади в деревне у деда. Ему было лет одиннадцать, а может, и того меньше. В компании с мальчишками он купался до темноты, а потом они побежали на выгон к лошадям. Ему помогли взобраться на одну из них, – он и сейчас помнит ее тугой вздрагивающий живот, – кто-то шлепнул по ней рукой, а может, она сама поскакала вслед за другими лошадьми. Он помнит только, как подпрыгивал на ее широкой спине, чудом удерживаясь, пока не догадался лечь ей на шею, вцепившись в гриву. И тут она поскакала галопом, и его уже не бросало с бока на бок, и он попытался гордо выпрямиться, крепко держась за гриву, как другие, не держась за нее и даже поднимая обе руки. Ему удалось лишь приподнять голову, и чувство радости, что он, городской мальчишка, побаивавшийся до сих пор лошадей, скачет наряду со всеми, охватило его, и он закричал от восторга, влившись в крик других. Чтобы убедиться, что он не последний, так как ему страсть как не хотелось быть последним, он обернулся и увидел, что за ним гонится есаул с высоко поднятой шашкой, быстро нагоняя. Есаул был в белой рубашке с галстуком, огромный, лысый, как тыква. «Это я, Графов, – хотелось крикнуть Графову, – я еду к вам работать», – но слова застряли у него в горле. Когда есаул был совсем близко, Графов с ужасом увидел, что в руке у него не шашка, а извивавшаяся змея с длинным жалом. Лучше уж шашка, мелькнуло у него, и в этот момент змея метнулась к нему. Он успел выбросить навстречу ей руку и схватить за голову. Но то ли она была слишком тяжелая и сильная, то ли он потерял равновесие, держась за гриву лошади одной рукой, он не удержался, скатился с лошади на землю и в тот же самый момент почувствовал укус на щеке. Он вскрикнул, увидел лицо жены, отчего ему стало невыносимо хорошо.

– Ой, я тебя не оцарапала? – испугалась она.

– Так это ты? – обрадовался он.

– Перекур! – сказал Козлов, остановив машину. Он и Володя вышли из нее.

– Он так неожиданно свернул с дороги, – сказала Оля, – что твоя голова соскользнула с моего плеча, и я, чтобы поддержать ее, царапнула нечаянно твою щеку ногтем. Не больно?

– Совсем нет. Во сне меня змея укусила.

– Господи, страсть – то какая.

Дождя не было. Светило солнце, чем-то не похожее на наше московское. Козлов и Володя исчезли в кустах.

– Ты не пойдешь? – спросил он, собираясь выйти.

– К ним? – засмеялась она. – Сколько еще ехать?

– Думаю, не меньше часа.

– Потерплю.

– Пора уже перестать стесняться.

– И, правда, что это я?

Он направился к ребятам, она в противоположную сторону.

После перекура без курения они доехали довольно скоро. Пейзаж мало изменился, его украсили горные вершины, кое-где со снегом. Наконец показались среди деревьев первые одноэтажные дома, в основном виллы. Затем появилось несколько высотных зданий.

– Смотрите и запоминайте, – вдруг проговорил Володя. Он опять сидел за рулем. – Это центр, называется Сивик. Больше высотных зданий не увидите. Их в столице не больше десятка.

И действительно, после моста через озеро опять поползли мимо виллы. Во двор одной из них Володя свернул и сказал:

– Приехали.

Выйдя из машины, Графов внимательно осмотрел фасад дома и не вспомнил его. А ведь был когда-то.

Володя провел их в переговорную комнату, а сам пошел докладывать об их прибытии Федотову. Вернулся он минут через двадцать, ожидать они уже привыкли в Сиднее и восприняли это с безразличием. Графов просматривал книги в шкафу, Оля – интерьер переговорной комнаты. Володя молча провел их в обитую по-русски черным дерматином дверь. Навстречу им вышел из-за стола одетый в белую рубашку с галстуком очень представительный высокий широкоплечий мужчина примерно одного с Графовым возраста. У него было довольно приятное крупное лицо, не плохо сохранившиеся темно-русые разбавленные сединой волосы были зачесаны полукругом вверх, виски заметно побелели. Задержав на Оле взгляд и лишь бегло взглянув на Графова, он басовито поприветствовал их и, предложив сесть, сказал:

– Сейчас подойдет народ, и я вас представлю друг другу.

Первым вошел Козлов. Из того, что он уселся, не здороваясь с торгсоветником, Графов заключил, что они уже поговорили. Затем появился полный лет сорока мужчина среднего роста и, ни на кого не глядя, уселся в углу. Графов догадался, что это экономист, на должность которого его начинали оформлять. Вслед за ним влетел Володя, и, едва за ним закрылась дверь, как в ней появилась молодая женщина с миловидным грустным лицом.

Минуты две все сидели молча, мужчины украдкой разглядывали лишь одну Ольгу Павловну, словно Графова и не было. А он смотрел на них, составляя о них представление. В молодости он увлекался литературным творчеством, и на всю жизнь сохранил привычку искать в человеке отличительную изюминку во внешности и в характере. С Козловым ему было все ясно: холуй любого начальства. В его о взгляде на Олю не было ничего мужского, лишь желание узнать о произведенном ею впечатлении на торгсоветника, поэтому он больше наблюдал за ним. Графова это тоже интересовало. Видно, догадываясь об этом, Федотов больше поглядывал на дверь, очевидно, ожидая зама, а на Олю лишь изредка, явно с трудом отрываясь. Зато Володя не скрывал свое любопытство, смешанное с удивлением, которое Графов не мог разгадать. Во взгляде экономиста на Олю явно читалось: «Повезло мужику, мне бы такую».

Наконец, когда Федотов поднялся и направился к двери, она открылась, и в кабинет не вошла, а вплыла еще одна женщина. Она была довольно крупная, упитанная, ярко накрашенная, блондинистые волосы были распущены наверху, белая кофта, явно не была рассчитана, возможно, умышленно, на большую грудь, черные брюки плотно облегли солидный круглый зад. По тому, как мужчины вскочили, Графов сразу догадался, что пришла сама хозяйка. Он попытался мгновенно оценить, соответствует ли она всему тому, что о ней слышал, и не пришел ни к какому выводу.

Хозяйка села рядом с Ольгой Павловной, и, наверное, не одному Графову бросилась в глаза разница между ними, как между аляповатой картиной модерниста и утонченным искусством Микеланджело. Федотов вернулся к столу, опустился в кресло и объявил:

– Разрешите вам представить Графова Федора Павловича и его супругу Ольгу Павловну. Федор Павлович направлен на работу в наш торгдом.

Только сейчас все открыто и с нескрываемым любопытством уставились на Графова: вместо кого? Он тоже встретился взглядом с каждым, обратив внимание, что никто не улыбался, как обычно бывало в таких случаях.

– Двоих вы уже знаете, – продолжал Федотов, обращаясь к Графову. – Козлова Анатолия Григорьевича и Голубева Владимира Алексеевича. В углу сидит старший экономист Громов Вадим Львович. Рядом с ним секретарь Светлана Васильевна Петрова, жена моего зама, который занимается делами. А у двери сидит, – Федотов заулыбался, показывая два золотых зуба по бокам рта, – моя жена Эльвира Николаевна.

Так и думалось, что он добавит «моя цыпочка», или «лапочка» или что-то в этом роде.

Мужчины, как по команде, тоже заулыбались, заворочались в креслах.

– Как долетели? – спросила хозяйка у Ольги Павловны. Голос у нее был высоковат для такого большого тела.

– Хорошо, – коротко ответила Ольга Павловна.

– Вы свою квартиру сдали жильцам или в ней кто-то остался?

Графов был уверен, что жена спросит удивленно: «А причем тут наша квартира?» – но она только внимательно взглянула на хозяйку и ответила:

– В нее переехала дочь с семьей.

– Квартира у вас большая?

– Обычная малогабаритная трехкомнатная.

– А у нас с Владиком двести четыре квадратных метра. Я даже не могу сказать, сколько у нас комнат: пять или шесть. – На ее лице, переливавшемся всеми цветами радуги, было столько превосходства над всеми, что все невольно притихли, потому что никто не мог представить такое количество комнат в квартире. – Это нам Борис Николаевич лично подарил за то, что мы с ним храбро защищали Белый дом от гэкачепистов.

Увидев, что Федотов с укоризной и обожанием смотрит на жену, как на расшалившегося ребенка, Графов спросил, свернув губочкой губы:

– А что, разве был штурм Белого дома? Я в то время работал на Смоленской площади и не помню, чтобы там стреляли.

Наступила мертвая тишина. От возмущения хозяйка приподнялась на стуле, но сдержала себя и не ушла. Сквозь румяна на щеках выступили темные пятна. Потемнели и сузились большие серые глаза, почти слившись с тушью на ресницах и краской на веках. Тишину прервал ее задыхающийся от злости голос:

– Но мы были уверены, что живыми оттуда не выйдем, и приготовились умереть, но не сдать.

Федотов метнул на Графова злобный взгляд.

Графов ничего больше не сказал.

– На этом, пожалуй, закончим, – сказал Федотов. – А вы, Владимир Алексеевич, отвезите приезжих в гостиницу посольства.

Когда они шли к машине, Оля сердито упрекнула мужа:

– Кто тебя тянул за язык? Что ты этим доказал? Он уже сегодня пошлет в Москву, что ты из себя представляешь.

– Хер с ним, пусть шлет. Но не пошлет, потому что набрехала она, а не я. «Готовилась умереть». А я из себя представляю такого, какой я есть, и это ты знаешь.

Володя что-то долго не появлялся, наверное, получал инструкцию. Отошедшая Оля поделилась:

– Эта Эльвира Николаевна – еще та штучка. Дура, но не простая. Кажется, я ей не понравилась. Она не хорошо на меня смотрела.

– Он тебе как показался?

– Я бы сказала, даже приятный. Прямая ей противоположность.

Дай бог, чтобы это было так, подумал Графов, вспомнив их разговор по телефону и полный злости взгляд Федотова, и постарался успокоить себя: поживем, увидим.

Глава третья

Номер, в который их поселили, состоял из одной комнаты, крошечной проходной кухоньки и туалета, совмещенного с душем. Зато огромным, почти во всю стену было единственное окно, выходящее на лоджию, которая одновременно служила крыльцом, так как в эту же стену была вделана входная дверь толщиной с фанеру, хорошо хоть не стеклянная. Номер явно не был предназначен для самой теплой зимы. А то, что она именно такая, подтверждало яркое солнце, заливавшее комнату теплым светом.

Едва они успели распаковаться и, как положено, отметить приезд, неожиданно быстро стемнело и резко похолодало. Пришлось одеться теплее и включить переносную батарею, стоявшую под столом. Однако грела она слабо, так как все тепло тут же уходило в перерывах между автоматическим включением и выключением наружу через одинарное стекло и щели в двери. С каждой минутой становилось все холоднее. Графов и жена надели куртки, затем вязаные шапочки, затем теплые носки и уселись у батареи. Они ничего не понимали: ехали на юг, а приехали в жуткую холодрыгу. Зато печка хорошо согревала руки, которые они время от времени прикладывали к лицу в перерывах отключения батареи. Ни телевизора, ни радиоприемника в номере не было, часы показывали около семи, и они надумали прогуляться, а заодно и осмотреть местность.

Гостиница находилась на территории посольства и стояла на отшибе, как баня или хозяйственный блок на даче. В ней, по всей видимости, было три или четыре номера. Все они были пустые, кроме занятого Графовыми,

Снаружи к холоду добавился еще и сильный ветер. Они остановились в раздумье у калитки. За ней не было ни единой души, лишь изредка проезжали на большой скорости машины, и хотелось провожать их взглядом, как в деревне или на даче. Сходство с деревней придавали слабая освещенность улицы и одноэтажные дома на равном расстоянии друг от друга с деревьями перед ними.

Наконец они догадались пойти погреться к дежурному. Он обрадовался приезжим и долго расспрашивал о жизни в Москве, ценах на продукты. Узнав, что их поселили на летней веранде, он очень удивился и посоветовал купить побольше одеял, которые пригодятся и в дальнейшем. От него они узнали, что в Канберре нет центрального отопления, не как в России, а каждый обогревает себя, как и чем может.

– У меня такое чувство, что здесь градусы холоднее наших, – сказала Ольга Петровна. – Наверное, сейчас не ниже нуля, а холодно, будто минус пятнадцать.

– У вас совершенно правильное чувство, – улыбнулся дежурный. – Сейчас на улице минус один, а кажется много меньше. Просто здесь очень сухой климат. Снег практически никогда не бывает, а если бы выпал, было бы теплее.

После теплой дежурной их номер показался им погребом, хотя батарея все время работала. Графов по привычке хотел лечь в одних трусах, но жена не разрешила и правильно сделала. Даже в спортивном костюме он быстро проснулся от холода и был вынужден надеть на себя куртку.

Утро оказалось совсем невыносимым. Графов вышел на крыльцо, чтобы сделать по привычке зарядку. Трава была покрыта инеем, а в стоявшем у двери тазу замерзла вода. Зарядку он кое – как сделал, – мешала куртка, – и даже слегка согрелся.

– Лиха беда начало, – сказал он жене. – Не горюй, старуха, выживем. В войну, помню, было холоднее.

– Я думаю, старик, выживем. У меня, кажется, горло болит.

– А у меня, кажется, зуб.

– Совсем хорошо. Надо идти тебе к врачу.

– Обязательно схожу. В первый же день работы побегу.

Какое ваше впечатление от Графовых? – спросила Любовь Петровна хозяйку уже через час после представления приезжих.

– Вы знаете, даже не знаю, что сказать. Просто теперь все прояснилось окончательно. Он, как я и представляла, уродливый старик, что, правда, не скажешь ней. В какой-то степени она даже эффектна. Но, по всему видно, что она чем-то больна. Потому что очень бледная. Ни кровинки в лице. Наверное, у нее белокровие. Ясно, что медицинскую справку она купила.

– Где их поселил Владилен Афанасьевич?

– Конечно, в гостинице посольства.

– А почему не в Окслее? В гостинице они замерзнут. Она же летняя.

Хозяйка фыркнула от негодования.

– Да вы что, Любовь Петровна, в самом деле? Вы еще предложите поселить их в Хайяте. Нет уж! Не на курорт приехали. Не нравится – скатертью дорога! Да, я вот что я вспомнила о ней. Она намного моложе его и, конечно, не первая у него. Ее дочь ей не родная. Она ей мачеха. Ясно, что она вышла замуж за внешторговца, отбив его у законной жены, чтобы ездить за границу. О любви тут и речи не может быть. И уж, конечно, у нее есть любовник в Москве. Я не удивлюсь, если он вскоре приедет сюда. – Эльвира Николаевна добавила в свою рюмку джина и спросила, понизив голос. – Любовь Петровна, у вас было много любовников? Ведь Анатолий Григорьевич у вас тоже не красавец. Ну, сознайтесь, ведь были?

Н а этот раз ко всему привыкшая Любовь Петровна несколько не смутилась, а лишь хитро улыбнулась.

– Ну, чтобы не упасть в ваших глазах, да, были и не один.

– Много?

– Если даже я привру в несколько раз, все равно их будет меньше, чем у вас. Мне кажется, нет мужчины, который не хотел бы вас.

От такого комплемента хозяйка так и засияла.

– Как вы думаете, на кого похожа моя Лялька?

Любовь Петровна задумалась. У нее появилась лукавая мысль сказать, что у Ляльки те же глаза и тот же рост, что у президента, но она побоялась переборщить.

– Мне многие говорят, что она похожа на Семина, – подсказала хозяйка. – Я надеюсь, вы знаете, что он был премьер-министром Правительства.

Ей всегда хотелось, чтобы ее окружал ореол таинственности и романтичности. Зная это, Любовь Петровна ответила, кивая головой:

– Я слышала, что, если долго жить в Монголии и быть беременной, то ребенок может родиться монголом.

– Да, я работала с ним с четырнадцать лет, – сказала хозяйка, не поняв, однако, причем тут Монголия. – Но Семин не монгол, а настоящий русский.

– Особенно губы и подбородок у них похожи, – сказала Любовь Петровна как бы с завистью и вздохнула. – Нас бы хоть такие любили, как мой Толя. Где уж нам до премьеров и вице премьеров. Они на нас даже не взглянут, не то, чтобы в постель с нами лечь.

– Что вы говорите? И среди них есть кобели, да еще какие, которые на кого угодно полезут. Я-то знаю. Но чтобы их взять на крючок всерьез и надолго, тут даже при моей внешности нужен, ох, какой тонкий ум, умение и знание способов притянуть к себе. Внешность можно подкрасить. Вот вы, например. Когда вы подкраситесь, вы, можно сказать, симпатичная женщина. Почему бы не обратить на вас внимание и лечь с вами в постель? Даже большим людям. Но ум совсем другое дело. Его ведь не подкрасишь и не вставишь в голову, если в ней пусто.

– Нет, не вставишь, – поддакнула Любовь Петровна. – И это правильно, Эльвира Николаевна. Вы такая умная и красивая. Куда уж нам до вас. Наш удел: рожать от простых смертных, а не от глав правительства.

– Ну, я пошла. На той неделе прилетает фирмач из Москвы. Сорок один год, красивый до экстаза. Представляете? Я уже вся мокрая. У нас могут быть с ним большие дела. Я имею в виду бизнес. На этот раз я сама возьмусь за дело. Мой дурак что-то совсем растерялся. Забыл, зачем я его привезла сюда. Я должна подготовиться к приезду. Я хочу произвести на него впечатление.

– Вы всегда производите неотразимое впечатление, Эльвира Николаевна. Это ваше предназначение в этой жизни.

Утром за Графовым заехал Козлов, в чей кабинет его и посадили до отъезда кого-нибудь. Кого и когда? Графов знал из кадров, что меняет Володю, но, по всему видно, в торгдоме об этом не знали, и все думали, что он приехал менять именно его. Поэтому и смотрели на него, как на забежавшего зверя.

Вопрос, кого он меняет, Графов задал Козлову. С Федотовым он принципиально, частично ради интереса, говорить не хотел. Козлов был все в той же джинсовой куртке и, кажется, в тех же портках. Только вместо стоптанных ботинок на нем были облезлые кроссовки. Зато под курткой сиял ярко-красный пуловер, казавшийся украденным из чужого гардероба.

– Этого никто не знает, – ответил Козлов.

– Как это? Я-то знаю, вместо кого я приехал. И вы знаете, мы в Москве с вами об этом говорили. Перед отъездом мне сказали, что Петров и Громов должны улететь двадцать третьего июня, то есть через восемь дней.

Козлов бросил на Графова изучающий взгляд и, ничего не ответив, вышел, как Графов понял, к Федотову рассказать об услышанном. Вернулся он минут через пятнадцать и молча выдал Графову подъемные. Тот попросил свозить его с женой в магазин за одеялом и посудой.

– У нас заведено, что вновь приезжающими занимаются те, кого они меняют. Вы же знаете лучше меня, кого приехали менять, вот его и попросите.

Володю Графов долго не мог поймать. То он сидел с хозяйкой на диване в коридоре, то они уезжали куда-то. Наконец, он поймал парня. Выслушав просьбу, Володя глянул на Графова совсем не взрослыми глазами и сказал, глядя на хозяйкину дверь:

– Сейчас не могу. Как освобожусь.

– Сегодня надо это сделать, – настаивал Графов.

– Как получится. Может, после обеда.

Тихо выругавшись, Графов вернулся к своему столу и занялся просмотром уже распечатанной ему почты и знакомством с делами.

Сумевшая сходить в ближайший продуктовый магазин Оля накормила его хорошим обедом. В комнате было тепло и не верилось, что вечером опять будет невыносимо холодно.

– Как работа? – поинтересовалась она.

Он рассказал.

– Значит, в центр не съездим?

– Как получится, – ответил он словами Володи. – Не кажется ли тебе, что не очень дружелюбный прием. Такого еще с нами не бывало.

– Я почему-то другого не ожидала. А насчет магазина я попробую договориться здесь с кем-нибудь. Я уже познакомилась с женой завхоза Катей. Она очень милая женщина. Это она показала мне продовольственный магазин и обещала принести сковородку, пока не купим свою.

За жену Графов не беспокоился. Что-что, а находить подруг она умела.

После обеда Володя несколько раз пробежал мимо их кабинета, но так и не зашел.

А в следующие дни до Графова тем более не было никакого дела. По торгдому был объявлен аврал в связи с предстоящим приездом фирмача. Он прилетал в Австралию создавать свою фирму, и Федотов надеялся каким-то образом подключить к ней жену юристом. Графову было дано срочное задание выяснить через специализированную фирму финансовое положение австралийского партнера, в паре с которым фирмач хотел создать фирму, а Володе – пригласить этого партнера в торгдом, встретить и обеспечить перевод на переговорах. Ему же как завхозу было поручено закупить продукты для приемов в торгдоме и для холодильника гостя. Козловым было поручено выскоблить гостиницу торгдома, обратив особое внимание на туалет, где завелись муравьи.

Распоряжения давала хозяйка. Она постоянно была в окружении, отчего казалось, что в торгдоме работало не пять человек, а, по крайней мере, сотня.

В выходные дни к Графовым никто из торгдома не заходил, но они не скучали. В субботу утром им поднял настроение увиденный в огромном окне выпавший ночью снег, он едва прикрывал траву, но глаз радовал. В десять часов, когда они вышли на прогулку, от снега не осталось и следа. Увидев Олю, к ней побежала большая собака, которую она не раз подкармливала. Вдруг на собаку сверху налетели две огромные полуметровой длины и непонятного зеленоватого оттенка вороны и стали клевать ее в спину. Собака громко завизжала, попыталась огрызаться, но одна ворона клюнула ее в морду. Не найдя на земле ни палки, ни камня, Графов кинулся на помощь бедной собаке и стал руками отгонять ворон, за что одна из них спикировала на него и клюнула в плечо. На помощь им прибежал с лопатой молодой парень и стал ею размахивать. Лишь тогда и то не сразу вороны улетели, усевшись на вершине сосны.

– Ну и ну, – проговорил Графов, трогая плечо. – Даже больно. Звери, а не птицы.

– Еще бы, – отозвался парень. – В прошлом году они до смерти заклевали нашу собаку. Эту мы бережем.

К ним подбежала испуганная Оля и велела Графову вернуться в гостиницу посмотреть плечо. Там она и парень осмотрели плечо: куртку ворона не проклюнула насквозь, к тому же на Графове был свитер, а под ним футболка, так что, успокоил парень, можно не опасаться заразы. С Серой – так звали собаку – дело было хуже. В двух местах на спине и на морде выступила кровь. Они втроем отвели ее в дежурку, где Олина знакомая Катя вместе с ней занялась ее ранами, а парень, оказавшийся сыном Кати, и звали его Колей, выйдя с Графовым на улицу, рассказал, что австралийские вороны очень злопамятны и мстят тому, кто их обидел. Он предположил, что Серая могла на них лаять или спугнуть. Вот они и охотятся за ней. Теперь они могут мстить ему и Графову.

– Мне теперь носить с собой палку? – усмехнулся Графов

– Она не помешала бы. А без нее поглядывайте наверх.

Вышедшая вместе с Олей Катя велела Коле отвести Графовых в хламушку. К ней они шли минут двадцать, и она оказалась двухэтажным магазином уцененных и б/у товаров ширпотреба. Оля осталась на первом этаже, где продавали белье и обувь, а Графов с Колей поднялся наверх посмотреть технику и книги. Более или менее хороших телевизоров они не увидели, и Коля посоветовал посмотреть их на копейке, где выбор больше и цены ниже. Графов послушался и купил лишь кассетник с радиоприемником, фонарь, батарейки, а в книжном отделе десяток книг на английском языке, в том числе словарь. Увидев хозяйственный отдел, он сходил за женой и лучше бы не ходил. Она купила ему теплое нижнее белье, толстые шерстяные носки, и столько разной столовой посуды и кухонных приборов с этикетками, что без Коли они за один раз все не смогли бы отнесли бы в гостиницу. Парню было лишь семнадцать, отметить с Графовым покупки он отказался, боясь матери, и вместо этого настроил кассетник.

- Везде есть хорошие люди, – сказала Оля.
- Кроме торгдома, – с горечью уточнил Графов.

В понедельник утром к Графову зашел Громов.

– Нужна справка об антидемпинговом законодательстве Австралии, – сказал он в приказном тоне. – Владиден Афанасьевич поручил вам ее подготовку. Срок – к уходу диппочты.

– Когда она уходит?

– В следующий вторник. Справку надо сдать в печатном виде в понедельник вечером.

Графов чуть не сказал, что эта тема для экономиста, но сдержал себя и вежливо поинтересовался:

- У вас как экономиста есть что-нибудь по этой теме?
- Практически ничего нет. Вам придется порыться в библиотеке.
- Вы имеете в виду городскую?
- А какую же еще?
- Когда поедем в нее?
- Сегодня не могу. Завтра.
- Хорошо, давайте, что у вас есть.

Просмотрев полученный материал, Графов решил, что ему срочно нужно ехать в библиотеку. Ему нужна была машина не только на сегодня, но и в постоянное пользование.

По дороге домой он поинтересовался у Козлова о порядке получения местных водительских прав.

– Самый простой. Как только вы получаете свидетельство на жительство в Австралии, вы отвозите его вместе со своими водительскими правами в ихнее ГАИ, и вам тут же выдают местные права после проверки зрения. Вы паспорт сдали в консульство?

- Нет. Мне никто об этом не сказал.
- Надо сдать, чтобы получить свидетельство на жительство.
- С новыми правами сразу можно садиться за руль?
- Хоть прямо от ГАИ, но можно ездить с международными правами в течение трех месяцев. У вас они есть?

– Наши есть, а канадские кончились в прошлом году.

Козлов бросил на Графова изучающий взгляд,

– При этом советнике вы приехали первым. До него при наличии свободной машины иногда садились за руль до получения местных прав.

– Я понимаю, что разъездная машина и есть свободная?

По пробежавшей по лицу Козлова ухмылке было видно, что вопрос ему понравился.

– Ну, у вас и вопросы. Один лучше другого. Уже претендуете?

– При чем тут претендую? Мне, например, позарез нужно съездить в библиотеку и в магазин купить необходимое. Вы все заняты. Почему я не могу взять разъездную машину? На то она и разъездная, не так ли?

Козлов от восторга вильнул машиной.

– Ну и берите, – сказал он весело.

Этот разговор имел неожиданное последствие. Графов подозревал, что о нем будет известно Федотову, но не думал, что так скоро. Утром, едва они вошли в торгдом, как Козлов скрылся за обитой дверью. Графов прямым ходом направился к Громову и напомнил ему о библиотеке.

- Сегодня не могу. Завтра, – отрезал тот.
- Я не успею написать справку.
- Успеете. Завтра утром я вас отвезу.

Графову ничего не оставалось, как вернуться на свое место. И вдруг через полчаса к нему вошел запыхавшийся Громов и, сообщив, что у него появилось свободное окно, предложил отвезти его в библиотеку прямо сейчас.

Когда машина остановилась у здания библиотеки, миновав посольство, у Графова зла не хватало. Если бы он только знал, что библиотека находилась в километре от его гостиницы!

Громов, оставив его одного, уехал и пообещал вернуться часа через два. Картотеки в библиотеке не было, и материал пришлось искать по надписям на полках. Ни одной книги по антидемпингу не оказалось, Графову пришлось лезть в таможенное законодательство Австралии, где знал по опыту, сам черт голову сломит. В них на родном языке трудно понять, не то что на английском. Пока он разбирался, что к чему, вернулся Громов.

– Все, поехали.

– Я останусь, пока не выпишу, что нужно. Дойду до гостиницы пешком.

– Выписывать не обязательно, можно снять копию хоть со всей книги. Копировальные аппараты стоят во втором зале в углу. Четыре цента лист.

Графов поднял глаза, чтобы поблагодарить, но, увидев, что Громов открыто насмехается над ним, проглотил язык.

– Справку надо сдать в печатном виде и подписанную Федотовым к двенадцати ноль-ноль во вторник, – напомнил Громов.

Глядя ему вслед, Графов обратил внимание, что зад у него шире плеч, и ляжки терлись одна о другую.

Уже только то, что ему сорок один, он ей нравился. Когда она увидела его входившим в дом и его взгляд на нее, она сразу поняла, что он не Володя. Такой только смотреть не будет и свое получит.

Между ними сразу установился чувственный контакт: где у нее влажнело, у него там твердело.

Его звали Олег Андреевич Андреев. Он приехал вложить деньги в выгодное дело в Австралии, чтобы сохранить их в смутное и мафиозное для России время и обязательно приумножить. В Москве он познакомился с одним австралийским фирмачом, интересовавшимся химсырьем, которое Олег Андреевич мог доставать в неограниченном количестве. Первый же контакт принес ему несколько тысяч долларов дохода. На подходе были другие контракты. Чтобы это дело закрепить, ему нужен был свой человек в Австралии. Таким человеком Федотов предложил Эльвиру Николаевну, разумеется, не официально и не безвозмездно. Глядя на обтянутый объемный зад своей будущей партнерши, Олег Андреевич не возражал. Попробовать можно, подумал он, добавив мысленно: и в этом смысле, разумеется.

А уж как была довольна сама хозяйка! Именно такой она представляла свою жизнь в Австралии: всегда в окружении молодых и красивых, разъезды по гостям, приемы, званые ужины и попутно бизнес. Она всем телом чувствовала, что с Андреевым у нее получится. Это было видно по его взглядам на нее. Она стала обдумывать, где и как. По опыту она знала, что чем наглее вариант, тем он надежнее. Поэтому она настояла на том, чтобы поселить его в гостинице торгдома. Уже вчера, когда Федотов после попойки по случаю приезда фирмача спал мертвецким сном, она попыталась сбежать к нему, но по дому, как всегда, шлялась дочь. Эльвира Николаевна подозревала, что колобродила та не столько из-за насморка, сколько из-за любопытства. Девке скоро двенадцать, понять ее можно, мать как раз в этом возрасте уже познала первого мужчину. Уговоры лечь в постель лишь разожгут ее любопытство, может и притвориться, что уснула.

Оставалась надежда на командировку в Сидней. Там в гостинице возможностей будет больше, думала она, там обязательно получится.

Утром она позвонила Любове Петровне, чтобы поблагодарить ее за хорошую уборку гостиной и за цветы на прикроватной тумбочке.

– Говорят, он необыкновенно красив, – сказала та.

– Я же вам говорила. Я даже боюсь на него смотреть, как бы чего не вышло. Да, Любовь Петровна, я все забываю вас спросить. Вы испытываете оргазм во время сношения? Я вчера прочитала, что многие не испытывают его. Алё. Вы меня слышите?

– Слышу хорошо, Эльвира Николаевна. Просто думаю, что ответить.

– А что тут думать? Да или нет. А я его уже испытываю, когда только гляжу на него. Извините, пришел Владилен Афанасьевич.

– Эля, пора одеваться. Через час переговоры. Ты можешь себе представить, что Графов интересовался твоей машиной.

– Это как понимать? – взвилась она.

– Он узнал, что твоя машина разъездная, а ему, видишь ли, уже понадобилось съездить в библиотеку и магазин.

– Ах, сволочь! Уже показывает характер. То ли еще будет, Владик. Я надеюсь, ты ему нашел, что ответить? Он приходил к тебе?

– Нет, он сказал об этом Козлову. За машину он сядет только после того, как получит права и докажет, что может ездить по левосторонней дороге. И какую машину ему дать, я еще подумаю.

Графова встретила в коридоре Светлана Васильевна и поинтересовалась, знает ли английский его жена.

– Бытовой язык она знает неплохо. Фильмы понимает лучше меня.

– С секретарским делом она знакома?

– Это у нее вторая специальность. Работала секретарем в объединении и за границей.

Светлана Васильевна искренне обрадовалась.

– Правда? – Улыбка преобразила ее грустное лицо, и Графов невольно залюбовался ею. – Вы можете привезти ее сюда завтра утром? Мне необходимо переговорить с ней. Я не могу уйти отсюда, пока не подыщу замену. В понедельник я уже не выхожу на работу.

Рассказав жене об этом разговоре, Графов намекнул, что Светлана Васильевна хочет предложить ей свое место

– Я бы согласилась, – обрадовалась Оля. – Одна здесь с ума сойдешь. И рядом с тобой. Тебя я знаю, как облупленного.

Утром он отправил ее с Козловым в торгдом, а сам пошел в библиотеку: в отснятом им материале чего-то не хватало, отчего справка не получалась, а в его распоряжении оставалось всего два дня, не считая субботы и воскресенья.

Вчера он разыскал в секретариате письмо из Министерства с запросом этой справки, чтобы уточнить, что именно требуется. Его поразило, что письмо было получено полгода назад, и срок его исполнения истек еще в марте. Непонятно, почему Громов, которому было поручено составление справки, до сих пор не сделал это. Однако привыкший к дисциплине Графов меньше всего думал об этом. Его бросало в дрожь от одной мысли, что справа не получится, и как это будет воспринято всеми.

Теперь он знал, что ему нужно, довольно быстро отыскал еще одно дополнение к закону и решил пойти на работу пешком. Он засекал время и пошел спортивным шагом, отсчитывая метры. До торгдома он дошел за час пятнадцать минут, насчитав около семи километров. Минут пять он прогуливался по аллее перед домом, успокаивая дыхание под мелодию песни «жена найдет себе другого, а Родька деда никогда».

Первым его увидела жена, ожидавшая его в переговорной.

– Ты что, пешком пришел? – испугалась она. – Ты с ума сошел. Это же десять километров.
– Не десять, а всего лишь семь. Ровно за час пятнадцать дошел. Считай, что начал с рекорда.

– Не с рекорда, а с дури. Посиди, отдохни, на тебе лица нет.

Он сел рядом с ней, спросил:

– Поговорили?

Она кивнула.

– О чем?

– Обо всем. Потом расскажу. Я тебя здесь подожду, посмотрю телевизор. До обеда осталось полчаса.

Она была явно расстроена или озабочена.

– Ну, это нечто! – сказала она в гостинице за столом. – Если бы ты знал, во что мы вляпались. Света мне такое нарасказала.

Но ничего нового для себя он не услышал ни про хозяйку, ни про Федотова. Лишним подтверждением их сволочности было то, что они сообщили Петровым об их отъезде всего за день до прилета Графова в Сидней, очевидно, побоявшись, что они могли узнать об этом от него. Для этого они напросились в гости и сообщили новость за столом при детях. Шестнадцатилетняя дочь прямо спросила отца потом: «Он тебя выгнал?»

– Да, я забыла, – вспомнила Оля. – Света дала мне интервью с Федотовым. Сказала, что тебе будет интересно с ним ознакомиться.

– Спасибо ей. Что насчет работы?

– Сегодня Света будет говорить обо мне с Федотовым.

– Ты дала согласие?

– Конечно, особенно после того, что узнала. Я боюсь оставлять тебя одного с ними. Я тебя знаю. Это ты вначале себя сдерживаешь. Но это будет недолго. Поэтому рядом с тобой мне будет спокойнее.

– Но работать полдня, как Света.

– Я же сказала, что должна быть с тобой все время.

– Тогда вылезай из машины, – засмеялся он. – Может, хозяйка не возьмет тебя.

Она улыбнулась. Ее улыбка последние дни ему не нравилась.

– А еще Света очень возмущалась, что нас поселили на эту веранду. Она уверена, что на этом настояла хозяйка.

– Осталось недолго ждать. Скоро переедем в дом Петрова.

– Ни в коем случае. Их дом страшно холодный зимой и жаркий летом, потому что в нем нет потолка.

– Как нет потолка?

– Лишь одна крыша. Как у нас было на мансарде, до того, как мы сделали там комнату, помнишь? Света посоветовала переехать в дом Громовых, где есть железная печь.

От смеха у него вздрогнула рука с ложкой супа. Оля совсем расстроилась и велела сменить костюм.

– Чем же мы топить будем? – продолжая хихикать, спросил он. – Она не сказала?

– Я не спрашивала, потому что не хочу отсюда уезжать. Здесь наши люди, есть, с кем поговорить. Да, я забыла рассказать. Когда я была у Светы, в кабинет вошел приехавший бизнесмен. Он подумал, что я секретарь и обратился ко мне с просьбой напечатать письмо. Я не успела сказать, что я не секретарь, как меня опередила Света и велела мне напечатать, а ему сказала, что он не ошибся, и что теперь секретарь я. Когда он ушел, Света подсказала мне, как работать на электронной машинке, и сказала, что теперь все будут знать, включая Федотова и хозяйку, что я умею хорошо печатать. Олег, как представился нам бизнесмен, остался

очень доволен напечатанным письмом и пожелал мне успешно работы, а Свете удачного прилета в Москву. Слышала бы хозяйка. Ты его не видел?

– Еще нет.

– Внешне он привлекательный, только очень слащавый. То, что хозяйке надо, сказала Света.

Интервью Федотов дал в Москве корреспонденту австралийской газеты спустя несколько дней после своего назначения на должность торгсоветника. Вначале в нем подробно перечислялись должности, которые он занимал в последние полтора года и которые менял, как перчатки, опускаясь всякий раз все ниже и ниже. Корреспондент так и не понял, почему Федотов надумал опуститься до торгсоветника, очевидно, посчитав эту должность слишком низкой для бывшего вице-премьер – министра. Ответ Федотова был предельно прост и скромно: «В результате исторических преобразований в политической системе России стране требуется коренное улучшение экономических связей с другими странами. Я со своим опытом решил помочь ей в этом». Из двадцати предложенных ему стран он выбрал Австралию потому что, во-первых, никогда в ней не был, а во-вторых, знал, как быстро увеличить раз в пять торговлю с этой страной, которой до него не везло с российскими торговыми представителями. Их он обозвал так называемыми купцами, которые совершенно не учитывали в своей работе перемены в России, а может, не были с ними согласны. Бахвальство так и лезло из него, как понос из младенца, когда он описывал, как хорошо подготовился к работе в Австралии, возлагая при этом особые надежды на геологические исследования на этом огромном острове. Войдя в раж, он пообещал отполировать свой английский за пару недель и бросить курить сразу после прибытия в Австралию.

В этом месте Графов улыбнулся, вспомнив «Окей» Федотова и то, что он не выпускает сигарету изо рта.

– Ты что? – спросила наблюдавшая за ним жена.

– Обычный трепач. Значит, работать с ним можно.

– Ну, у тебя и логика, – засмеялась она. – Железная, ничего не скажешь. Только я бы предпочла, чтобы торгсоветником у нас был Смеляков или Сакулин.

– Надеюсь, что воспоминания о работе с ними помогут мне здесь. Спасибо, дочка, за статью. Теперь я знаю, с кем работаю.

Утром Федотов пригласил его к себе. Это была их первая встреча наедине. Разговор шел об Ольге Павловне. Торгсоветника интересовал ее английский язык.

– Достаточен, чтобы отвечать на телефонные звонки, наводить справки, заказывать билеты, гостиницы. Но переводчиком работать не сможет, потому что она не знает термины и специфику внешнеэкономической деятельности. У нее простой разговорный язык.

– Я слышал, что секретарское дело она знает.

– На мой взгляд, она профессиональный секретарь. Она работала секретарем в «Автопромимпорте» и у торгсоветника в Финляндии.

– Разве там не торгпредство? – бросил на Графова из подлобья взгляд Федотов.

– Кроме торгпредства там было отделение Госкомитета по внешнеэкономическим связям, так называемого ГКЭСа, во главе с торгсоветником.

– Хорошо, я подумаю.

Светлана Васильевна работала последний день. Она никак не могла дождаться обеда, чтобы уйти из этого дома, ставшего под конец ей таким чуждым, и чтобы больше никогда в него не вернуться. Прощаясь с Графовыми, она шепнула:

– Ничего не говорите лишнего при Козлове – тут же передается хозяину. Зачем вам лишние неприятности? И с Любовью Петровной тоже будьте поосторожней, – предупредила она Олю.

А после обеда к Графову зашел Петров Евгений Иванович и пригласил к себе в кабинет. Они виделись два раза. В первый раз представились друг другу и второй раз лишь поздоровались. На этот раз они разговорились. Петров выглядел лет на сорок, а на самом деле ему было сорок шесть, и кроме шестнадцатилетней дочери у него был двадцатипятилетний сын и две внучки. Он был высокий, худощавый, с выразительным, добродушным лицом и аккуратной прической светлых коротких волос. До Австралии он работал в «Автоэкспорте», где у них нашлись общие знакомые, и разговор получился деловой и дружелюбный. Петров, узнав, что Графов приехал заниматься оперативной работой, которую он курировал, передал ему несколько своих папок и рабочую тетрадь с контактными координатами основных фирм, с которыми были и могут быть деловые связи. О Володе он отозвался как о неплохом работнике, но еще не совсем серьезным по молодости, несмотря на двоих детей. А после приезда Федотова Володя практически не занимался оперативной работой, используясь в качестве переводчика у советника и хозяйки.

– А вообще настоящей работы здесь после распада СССР и тем более с приездом Федотова, можно сказать, не стало. Хотя запросов от австралийцев по-прежнему полно, в основном невыполнимых или не серьезных, например, о поставке красной ртути и частных космических кораблей.

– Так что работайте спокойно и с усмешкой, не обращая внимания на причуды и сволочность Федотовых. Вас они после меня побоятся трогать, тем более что в министерстве и в кадрах вы человек известный. И жене передайте, чтобы не принимала близко к сердцу выходки хозяйки. Главное, чтобы у вас в Москве все было хорошо.

От такого напутствия нормального человека у Графова поднялось настроение.

По дороге в Сидней, куда Федотовы отправились на викэнд под видом командировки, Эльвира Николаевна сидела рядом с Андреевым на заднем сиденье и, словно нечаянно, касаясь его твердых, как камень, ляжек, обдумывала я, как сделать, чтобы не получилось осечки на этот раз. Дочь она оставила с Козловыми, а уж как избавиться от Федотова, она всегда придумает. Из всех вариантов один был наиболее реальным и уже не раз испытанным: должна быть глубокая ночь и смертельно пьяный Федотов. Один раз она даже подсыпала ему снотворное. На всякий случай, оно у нее всегда было с собой.

Все шло, как по маслу. Она настояла, чтобы стол был накрыт в гостинице, а не в квартире Блинова. Как она и ожидала, Катька, жена Блинова, только обрадовалась. Они у них всего пятый раз, а она уже недовольна, словно десятый. Сама маленькая, худая, дура – дурой, а туда же лезет со своим вниманием. Но на этот раз Эльвира Николаевна была с ней любезна до поцелуев, и та сделала стол на славу из привезенного гостями, добавив из своего лишь банку с солеными огурцами. Главное, было много бутылок. Как обычно в компании с новым человеком, Федотовы рассказали, как вместе с Ельциным храбро защищали Белый Дом от всякого сброда во главе с генералом Макашовым. Блиновы слушали это в десятый раз и лишь обращали внимание на новые измышления. Андреев был ярым антисоветчиком и слушал, открыв рот, как пьяный Борис Николаевич рвался на улицу, чтобы выступить с речью перед народом, и его с трудом удержали. Когда гость был полностью просвещен, с кем имеет дело, дальше, как и положено за богатым столом, поговорили о бедных России и народе. И тут досталось даже президенту, но больше ругали вице-президента Руцкого, советником которого перед Австралией работал Федотов и был с ним не в ладах, затем досталось спикеру парламента и новому правительству. Лишь одного Ельцина Федотов называл по имени, отчеству, а остальных –

по именам: Сашка (Руцкой), Егорка (Гайдар), Толик (Чубайс), рассказывал, как пил с ними и что они больше всего любят пить. Эльвира Николаевна сегодня встревала в разговор меньше, лишь добавила, услышав имя Егорка, что ее всегда тошнило от его спущенных штанов. Все посмеялись и больше всех Олег Андреевич.

– У вас колючий язычок, – сказал он, касаясь ее руки. – Горе тому, кого вы не влюбите.

– Кстати, – вспомнил Блинов. – Как вам пришелся новенький?

– Вы имеете в виду старика Графова? – скривилась Эльвира Николаевна.

– Я не знаю, сколько ему лет, но выглядит он не старше Владилена Афанасьевича, – возразил Блинов и спросил Федотова. – Как он в деле? Проверяли?

– Вот поручили ему написать липовую, но довольно сложную справку.

– Что значит, липовую?

– Она закрыта еще в марте. Но он об этом, естественно, не знает.

– Не позавидуешь мужику.

– Да, я не скрываю, что ему с нами не работать, – вмешалась Эльвира Николаевна. – Торгсоветник имеет право сам подбирать себе людей.

– Где это записано такое правило? – спросила язвительно Екатерина Константиновна.

– Может, и не записано, но я думаю, Владилен Афанасьевич заслужил такое право, – отпарировала Эльвира Николаевна, смерив Катюку пренебрежительным взглядом. – Не каждый торгсоветник был вице-премьер – министром.

– Давайте лучше выпьем, – вмешался Федотов. – Слишком большая честь говорить о простом инженеру за этим столом.

– У него очень красивая жена, – вдруг вставил опьяневший Андреев.

– Мне она тоже очень понравилась, – тут же поддержала гостя Катюка, увидев, как нервно восприняла слова Андреева Эльвира Николаевна, считавшая себя непревзойденной красавицей. И чтобы еще больше разозлить ее, добавила, сцепив в ехидной улыбке губы. – И очень умная.

Хозяйка впервые растерялась, не зная, чем возразить. Сказать, что она нянька, не пройдет, так как Андреев знает, что она хорошо печатает, и ее сватают в секретаршу торгдома. Увидев, что никто и не ждет от нее возражения, и все дружно поддержали в тост мужа, она присоединилась к ним и стала с радостью наблюдать, как муж пьянел. Сначала у него изменился голос: стал замедленным и басовитым, затем он побледнел и его потянуло на песни. Но он быстро потерял к ним интерес, и тут уже можно было вести его в постель.

Труднее было с Блиновым. Екатерина Константиновна уже ушла, сославшись на головную боль. Дура, обругала ее Эльвира Николаевна, не увела с собой мужа, теперь жди, когда он уйдет от дармовой выпивки.

– Пойдем, Владик, баиньки, – громко сказала она не столько мужу, сколько Блинову. – Ты немного устал.

– Нет, рано еще, мы не допели «Что будет с родиной и с нами?».

Она помогла им допеть и решительно поднялась.

– Вы сами дойдете или звонить Екатерине Константиновне? – спросила она Блинова.

К ее радости он поднялся и повелел:

– Завтра с утра ко мне.

Она вся испсиховалась, пока Федотов курил и вел беседу, черт знает, о чем на кухне с Андреевым. Затем он минут двадцать сидел в туалете, затем опять курил, уже один. Тут ее нервы не выдержали, она выскочила в коридор и, пробежав мимо спальни Андреева с уже выключенным светом, зашипела:

– Ты будешь спать или нет, сволочь? Сколько тебя ждать?

Он вытаращил глаза, спросил удивленно:

– Зачем меня ждать? Спи, кто тебе мешает?

От этой железной логики она слегка растерялась, затем вырвала у него сигарету.

– Не могу уснуть. Ты тут расходишься, дверью хлопаешь, сопишь, воняешь.

Все еще удивляясь, он поднялся и пошел за ней, но вместо того, чтобы сразу захрапеть, стал к ней приставать. Тут она совсем обозлилась и чуть не прибила его. Однако, видя его настойчивость, быстро уступила, чтобы он скорее уснул.

Когда он, наконец, захрапел, она подождала еще минуты две для верности, затем тихо поднялась, и, набросив на голое тело специально взятый с собой пеньюар, на цыпочках вышла. В коридоре горел свет, а из комнаты Андреева тоже слышался храп. Не веря своим ушам, она приоткрыла дверь и заглянула. Он лежал на спине совершенно голый, и его стоявший член, казалось, смотрел на нее одним глазом. Какое-то мгновение она не отрывала от него восторженного взгляда, отметив, однако, что он мог бы быть больше, затем подошла к кровати и опустилась на колени. Когда она нагнула голову к члену, руки Андреева коснулись ее волос и надавили на затылок.

Он знал, что она придет.

Графов забрал материал по антидемпингу в гостиницу, чтобы закончить справку в выходные дни. Уже вечером он неплохо поработал и надеялся днем погулять. Но рано утром он проснулся от зубной боли. Он тихонько встал, вскипятил воду и прополоскал зуб горячей водой с содой и йодом, мысленно поблагодарив жену за то, что все это она привезла с собой. Боль утихла, но вскоре опять появилась. Во время завтрака ему удалось скрыть боль, но в обед жена спросила:

– Зуб болит?

– Да, немного.

– Я вижу, как немного.

Вскоре она ушла, и он продолжал работать. Она вернулась и сказала, что в два часа его ждет доктор. К его удивлению, им оказался тот самый дежурный, но не Катин муж, а с которым он разговаривал в первый вечер.

Зубной кабинет находился рядом с дежурной комнатой, мало чем отличаясь от нее, разве что допотопным стоматологическим креслом. Доктор, не вымыв руки, засунул Графову палец в рот и надавил на зуб, отчего у того перехватило дыхание и выступили слезы.

– Вот теперь вижу, что болит, – убедился доктор. – Начнем лечить.

Он выдвинул ящик стола и вынул круглую жестяную коробку из-под конфет. Вывалив содержимое коробки на стол, он стал что-то искать тем же пальцем, которым давил на зуб. Графов краем глаза, – он сидел параллельно столу, – увидел среди сверл и еще чего-то волос. Господи, подумал он, что же это у него так грязно?

Доктор (Графов никак не мог вспомнить, как его зовут) воткнул сверло в головку дрели и начал сверлить зуб, не обращая внимания на подпрыгивавшее от боли тело Графова. Попутно он стал рассказывать историю своей жизни: как поступил в институт, как встретил жену и как был направлен сюда стоматологом. Графов слушал невнимательно и не столько из-за боли, а больше потому, что не любил людей, которые сразу начинают рассказывать о себе первому встречному. Но концовка его заинтересовала. Дня через три после приезда в Канберру доктору сообщили, что его должность в штате посольства ликвидирована, и ему надлежит вернуться домой. Легко казать вернуться. А там вместо него врачом районной поликлиники уже назначен другой, уволилась и жена, приехавшая с ними взрослая дочь тоже отрубила какие-то там сердечные связи. Однако стоматолог все-таки был нужен посольству, так как чаще всего у сотрудников болели зубы. Кроме того, уезжала домой терапевт посольства, и ее должность не сокращали, жена стоматолога оказалась как раз им по специальности. Посол взвесил все

и предложил доктору остаться на ставке уборщицы и по совместительству быть дежурным в ночное время. Доктор с радостью согласился.

– Я удалил вам нерв и вложил в канал болеутоляющее лекарство, – сказал он, закончив работу. – Если боль будет продолжаться или усилится, звоните.

Ночью Графову стало совсем плохо, и он еле дождался утра.

– Значит, я ошибся, – сказал доктор, – не то вложил. Попробуем другое.

И все началось по новой. Был момент, после которого Графов сказал:

– Мне показалось, что я никогда не испытывал такой боли.

– А что ж выдумаете, зубная боль считается одной из самых острых. Если хотите, я вмиг удалю вам зуб. И никакой боли не будет. Он все равно без нерва не жилец.

– Да не уж, потерплю, пусть поживет еще.

Когда он поднимался со стула, доктор сказал:

– Не советую идти к другому стоматологу. Нового он ничего не сделает, только деньги возьмет.

Больше всего Графов страдал от того, что боль мешала писать справку. Временами он был даже уверен, что не закончит ее. Он так и видел перед собой ухмыляющуюся пористую физиономию Громова, да и Федотова тоже. Поэтому, дописав последние строки, он от удовольствия даже забыл про зуб и уснул. Но ночью он опять проснулся и уже не спал. По дороге на работу он рассказал Козлову о зубе и его лечении, упомянул и про волос, который все время стоял у него перед глазами.

– Не надо было к нему ходить, – сказал Козлов. – Позвонили бы мне, и я отвез бы вас к стоматологу, у которого лечатся все посольские.

– Вы меня отвезите сейчас. Я только отдам справку и скажу торгсоветнику о зубе.

– Лучше, чтобы повез Володя, он знает язык.

– Язык меня не волнует, сам справлюсь.

Отдавая справку Громову, он спросил:

– Не хотите прочитать перед печатью? Может, что подправите, с учетом работы здесь.

Громов пролистал листы, положил на стол.

– Оставьте, я прочитаю.

Он очень не хотел идти к Федотову, тем более отпрашиваться к врачу. Он решил чуть-чуть подождать, надеясь, что зуб утихнет, и направился к своему столу в кабинете Козлова. Кабинет был пуст. Очевидно, Козлов рассказывал торгсоветнику о зубе.

Там речь шла не о нем. Федотов совсем забыл, что Светлана Васильевна с сегодняшнего дня не работала, а без секретаря торгдом остался, как без рук. Срочно был нужен секретарь. Хозяйка категорически возражала против кандидатуры Ольги Павловны, но взамен никого предложить не смогла. Она просмотрела все возможные и невозможные варианты, вплоть до возможных и невозможных евреек – эмигранток. Жены посольских работников либо уже работали, либо сидели с детьми, либо абсолютно не подходили на должность секретаря: не знали язык и не умели даже печатать, не говоря уже о знании секретарского дела. Эмигрантки интересовались в первую очередь зарплатой, а она составляла десятую долю ставки секретаря в стране. Федотов не знал, что делать. И тут неожиданно и резко выступил против кандидатуры со стороны Козлов.

– Вы что, хотите, чтобы посол знал о всех наших делах? – кричал он, насканивая на огромного Федотова, как дворняга на овчарку. – Или чтобы я допустил этих эмигранток до кассы? Да они в первую же неделю разграбят ее.

Его доводы были настолько убедительны и весомы, что Федотов, забыв посоветоваться еще раз с женой и проговорил хмуро:

– Ладно, оформляйте временно Графову с завтрашнего дня, нет, лучше с сегодняшнего, чтобы успеть сдать почту.

Войдя в свой кабинет, Козлов гордо бросил Графову:

– Я сказа ему, только через мой труп.

– Вы о чем? О моем зубе?

– Он хотел взять секретаря со стороны. Я ему сказал: или Графова или никто. Не знаете, она сейчас дома?

– Думаю, что да.

– Она может сегодня выйти на работу?

– Позвоните ей сами.

Козлов привез Ольгу Павловну через час. Увидев мужа, она спросила:

– Был у врача?

– Еще немного подожду. Может, утихнет, – неуверенно ответил он.

– Хочешь, чтобы я пошла?

– Хорошо, хорошо, сейчас иду.

Подойдя к двери, он глубоко вздохнул и, постучав, вошел.

– Можно, Владилен Афанасьевич?

– Заходите, Федор Павлович. Как устроились?

– Нормально. Вот только зуб заболел. У посольского стоматолога я был два раза. Еще хуже стало.

– Поезжайте к зубнику, у которого наши лечатся, – сказал совсем по – человечески Федотов. – Попросите Володю свозить вас к нему.

– Спасибо, – поблагодарил от души Графов. Настроение у него сразу поднялось.

Володя тоже моментально поднялся и сказал:

– Поехали.

Графову захотелось себя ущепнуть: не во сне ли он? Господи, да что же это такое? Что с ними случилось сегодня?

Посольский доктор оказался прав в том, что австралийский стоматолог делал то же самое, но совсем по – другому. Во-первых он долго мыл руки и, надев хирургические перчатки, долго вычищал и смазывал уже просверленное дупло, затем подправил его, но без сильной боли, опять чистил и мазал и лишь потом заполнил дупло. И все это делал нежно и ласково. И зуб благодарно отозвался, перестав болеть, хотя изредка продолжал напоминать о себе. Возможно, причиной этого был холод в гостинице по ночам. Если все тело им удавалось утеплить, то рот и нос оставались открытыми.

Федотов нарочно сообщил жене о своем согласии на Графову в присутствии Андреева. При этом он поспешил добавить, что это временно, до приезда замены Громову.

– Представляете, Олег Андреевич, – пожаловалась Эльвира Николаевна. – Мало того, что он смирился с приездом ненужного нам человека, так еще и берет на работу его жену, так вам понравившуюся. Что вы в ней нашли хорошего? Она же для вас старая.

Андреев хотел возразить, но передумал, чтобы не увеличить зависть Эльвиры Николаевны к этой действительно красивой женщине.

Он смотрел в ее недовольный рот и вспоминал ту ночь в гостинице консульства. Потом у них было еще два раза, но это так, как у кобеля с сучкой. Много у него было женщин, а в последнее время он увлекся проститутками. Они делали то, что им кажешь, а сами смотрели в потолок. Эта делала все сама и была профессором фака. В ее руках он был игрушкой и совсем не был уверен, что она осталась в восторге от его двух палок. Он никогда ими особо не отличался. Чтобы удовлетворить эту железную кобылу, нужен был табун жеребцов. А еще он думал о том, что надо скорее отсюда отваливать. И совсем не потому, что могла раскрыться их

связь, он был почему-то уверен, что Федотов ничего ни ей, ни ему не сказал бы. Уж слишком нагло она себя вела. Нет, у него были совсем другие причины. Его анализ дел здесь показал, что вкладывать деньги в эту страну, находящуюся у черта на куличках, мягко говоря, опасно. У его партнера за душой нет ни гроша. Его акционерный капитал, как выяснил Громов, составлял всего два австралийских доллара. Случись что, и он получил бы через суд свою долю, равную одному доллару. Что же касается торгсоветника и его жены, тут вопрос был еще яснее: толку от них никакого. А деньги платить пришлось бы. Какой она юрист, как утверждал Федотов, Андреев сразу понял, задав ей два вопроса по праву. Сам он уже поднаторел в них, жизнь заставила.

– Плохо, когда не на кого положиться, – ответил он.

– О чем вы говорите, Олег Андреевич! – подхватила она. – Положиться на кого? На этих хамов? Это мы с вами можем положиться друг на друга, как порядочные люди.

Вечером она все-таки врезала Федотову сполна. На его счастье она побоялась, что услышит Андреев, смотревший телевизор в холле, и обошлось лишь шипением. Но даже и без крика она добилась его согласия на поездку в Москву на лечение. Близость с Андреевым сделала ее половой зуд нетерпимым. Она поняла, что Володю, как бы его ни хотелось, можно прождать всю жизнь. Ей нужна была разрядка и хорошая зарядка на следующие два-три месяца. Осталось сделать так, чтобы Федотов сам предложил ей поехать с Андреевым.

Олю пригласили на чай, который женский комитет устраивал один раз в месяц. Здесь обсуждались самые разные проблемы от приготовления пирожных до политики, но больше говорили о семейных проблемах. Событиями на таких вечерах были прощания с уезжавшими и представление новеньких. Она знала, что ее будут представлять и подготовилась к этому. Она нарядилась так, чтобы не очень бросаться в глаза, но и не выглядеть чулидой. Во всяком случае, она из этого исходила, хотя отлично знала, что произведет впечатление, как это было в Финляндии и Канаде, и удивилась и расстроилась бы, если бы этого не случилось здесь. Было именно так. Когда она вошла в небольшой зал, почти все были в сборе, кто уже сидел за столом, кто разговаривал стоя. И сразу же все взгляды устремились на нее, и стихли разговоры. Вроде бы и ничего на ней такого особого не было: шерстяное черное платье, облегавшее фигуру, голубой шарфик на шее да черные замшевые туфельки на невысоких каблуках, – а все рот открыли, и не одна пожалела, что не надела свое так идущее ей платье, а пришла в этой бесформенной кофте и брюках, в чем ходит каждый день без съема.

– Кто это? – послышался шепот.

Любовь Петровна, стоявшая спиной к двери рядом с хозяйкой, обернулась. Оля в это время, уже негромко поздоровавшись со всеми и отыскав свободное место недалеко от входа, направлялась к нему. Любовь Петровна окинула ее взглядом, и смутное беспокойство овладело ею.

– О, господи, да это одна к нам приехала, – раздраженно ответила на шепот Эльвира Николаевна, – жена нашего старика завхоза.

– Твой-то какой? – громко возразила Катя, – молчала бы уж.

Эльвира Николаевна вспыхнула, хотела резко возразить, что ее муж был вице-премьер министром, а не завхозом, но не посчитала нужным опускаться до такой хамки.

– Оля! – крикнула Катя. – Иди сюда. Здесь свободное место.

Оля, еще не успевшая сесть, отыскала глазами Катю и, пройдя, совсем близко от Любви Петровны и демонстративно отвернувшейся Эльвиры Николаевны, села на предложенное место.

– Какая ты сегодня элегантная, – сказала Катя.

– Почему только сегодня? – улыбнулась Ольга Павловна.

– Ну, ты даешь. А что? Правильно. Так и надо.

Хорошо, что она не слышала, как хозяйка сказала Любви Петровне:

– Старуха, а нарядилась, как кукла.

Любовь Петровна ответила не сразу, покачав головой:

– Я бы не сказала, что она старуха.

– Ну, что вы говорите? Разве ее сравнить с нами?

С тобой, коровой, ее действительно не сравнить, подумала Любовь Петровна. Интересно было бы поговорить с этой Графовой. Если она так же умна, как красива, то надо быть поосторожней с ней.

Олю представляли в самом начале чаепития. Вопросов было много: какой раз в командировке. Финляндия и Канада плюс Австралия произвели впечатление, в связи с чем возник вопрос и о муже. Хозяйке было не по себе слушать, что у Графова, которого она назвала завхозом, три высших образования, три иностранных языка и что в Финляндии и Канаде он работал на руководящих должностях, а в министерстве – главным специалистом Главка.

Любовь Петровна, услышав, что Графова закончила институт по специальности педагог – психолог, лишней раз убедилась в лживости хозяйки, утверждавшей, что она работала нянкой, и, как все, была поражена, что у нее шестилетний внук. Удивлены были и другие. Пожилая женщина сказала, округлив глаза:

– Ни за что бы не подумала.

Так и думалось, что она спросит: «А сколько же тебе лет?», но она не спросила.

Зато была довольна до крайности внуком Эльвира Николаевна.

– Что я вам говорила? – торжествуяше зашептала она на ухо Любви Петровне. – Теперь убедились?

Не поняв, в чем она убедилась, та ничего не ответила, пораженная поведением Графовой: что не подбежала к хозяйке, не села рядом, хотя место было, и не ловила жадно ее взгляда. Лишь однажды она взглянула на нее, когда та громко заявила, что главным в семейной жизни для женщины должны быть не любовь и согласие, а положение мужа в обществе, а для любви есть любовники. В резкой форме большинство женщин дали ей отпор, после чего она уже не выступала и ушла раньше других, прихватив с собой Любовь Петровну. Та, уже будучи в двери, обернулась и еще раз взглянула на Ольгу Павловну, и в ее глазах было все то же удивление. Она ничего не понимала. Ей казалось, что в том положении, в каком оказались Графовы здесь, надо было вести себя совсем по-другому.

Утром Андреев заявил, что хотел бы улететь ближайшим рейсом самолета. Он попросил Ольгу Павловну переоформить билет. Когда она, взяв у него билет, потянулась к телефону, он вдруг нагнулся к ней и полусшепотом проговорил:

– Вам не позавидуешь. Жена торговца очень не любит рядом красивых женщин. А вы на зло ей будьте еще прекраснее, и это будет самая эффективная ваша реакция.

Он провел рукой по ее плечу и вышел.

После обеда Эльвира Николаевна занемогла и к вечеру слегла совсем. У нее заболел живот и, что больше всего беспокоило Федотова, она стала жаловаться на придатки. Он знал, что она их лечила только у своего личного врача, друга детства, кудесника своего дела. Она уверила его, что жива до сих пор лишь благодаря этому доктору. Федотову, созналась она, она не говорила, чтобы не расстраивать его, что придатки начали напоминать о себе сразу после приезда сюда, очевидно, сказалась перемена климата. Здесь такое жуткое давление. Если она запустит их, уже никакое лечение не поможет. Надо срочно лететь в Москву и показаться врачу. Одна она боится не долететь, и было бы хорошо это сделать вместе с Андреевым

– Как быть с Лялей? – робко спросил Федотов.

– За ней будет приглядывать и кормить Любовь Петровна. Я ей сегодня же скажу.

– Она согласится? Ведь не один день.

– Согласится, куда она денется? Да и ты будешь здесь. Не померете. Но, если ты хочешь, чтобы я померла, я останусь.

Он сдался.

Вечером, когда Графовы вернулись с прогулки и согревались чаем, в дверь постучали. Графов открыл дверь и увидел маленькую не приметную лицом женщину лет пятидесяти в бордовой куртке, темных брюках и в зеленой шерстяной кепке с козырьком. – Можно к вам?

– Да, да, заходите, – пригласила Оля, возникнув из-за спины мужа.

Войдя в комнату, женщина поставила у ног большой пакет и произнесла, выпуская пары воздуха:

– Я так и думала, что у вас не намного теплее, чем на улице, и поэтому принесла вам одеяло и простыню, чтобы вы не замерзли окончательно.

– Спасибо, у нас уже все есть, – сказала Ольга Павловна, но было видно, что она рада приходу женщины и ее доброте.

– Ручаюсь, что такой простыни у вас нет. Да, меня зовут Вера. Я жена вашего связиста Трошкина.

Графов слегка поморщился, вспомнив недавний разговор с Трошкиным по телефону. Он услышал от Козлова, что Трошкин купил в магазине дюти-фри телевизор с встроенным видеомагнитофоном, и хотел попросить у него совета.

– А вам какое дело до того, что я купил? – услышал он хриповатый голос. – Какой хотите, такой и покупайте.

– Конечно, я куплю, какой захочу. Хотелось бы, чтобы телевизор работал и в Москве.

– Вот такой и купите.

Графову ничего не оставалось, как положить трубку.

Тем временем Вера вынула из пакета одеяло и электропростыню. От одеяла Оля хотела было отказаться, но побоялась обидеть добрую женщину, тем более сто такую простыню они видели впервые.

– Будет тепло, как на печке, – пообещала Вера. – Вернете, когда купите себе такую же.

– Где? – спросила Ольга Павловна.

Вера засмеялась, показав в улыбке маленькие неровные зубы:

– Ясно, где. На копейке.

– Про нее я уже слышала, только не представляю, что это такое. Вы не попьете с нами чайку?

– Спасибо, не откажусь, а я вам расскажу про копейку. Но ее лучше увидеть. Вы когда получаете машину?

– Вот-вот должны получить свидетельство на жительство, – ответил Графов. – После этого сразу должен буду получить права.

– Значит, скоро. Как получите машину, скажите нам, и мы вам покажем дорогу на копейку, а заодно и сами съездим. У нас ведь машины нет.

– Обязательно поедем вместе. Вопросы нет, – пообещала Оля.

Вера рассказала не только про копейку, но и про хламушку и гаражи. Пообещала сводить Ольгу Павловну завтра в хламушку. Услышав, что там они уже побывали, Вера удивилась и заметно расстроилась, увидев купленное там. Но узнав цены, повеселела, сказав, что на копейке можно купить посуду раза в три дешевле, конечно, не новую, но есть из нее можно.

– А хороший телевизор там можно купить? – поинтересовался Графов.

– Там все есть, что вашей душе угодно. Только быстрее получайте машину. Как получите, позвоните.

Когда она ушла, Оля проговорила назидательно:

– Вот видишь, везде есть хорошие люди.

Графов тут же занялся простыней. Но то ли он что не так сделал, то ли провод был оборван, простыня так и не нагрелась. И все же было теплее хотя бы на душе, что кто-то о них позаботился.

Они уже не так мерзли. Помимо купленных в хламушке теплого нижнего белья, Оленька купила мужу и себе необыкновенно теплые с начесом внутри спортивные костюмы. Брюки с резинками внизу напомнили Графову шаровары, которые он носил после войны. В этих костюма они не только гуляли, но и спали. А если еще и электропростыня будет работающая, то совсем жить можно.

– Я тебе, Оленька, говорил, что выживем, – сказал Графов.

Разговор с Любовью Петровной принял неожиданный для Эльвиры Николаевны оборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.